

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ХРАНИТЕЛЬ СМЕРТИ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Джейн Риццоли и Маура Айлз

Тесс Герритсен
Хранитель смерти

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Герритсен Т.

Хранитель смерти / Т. Герритсен — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Джейн Риццоли и Маура Айлз)

ISBN 978-5-389-14553-5

Археологи всего мира предвкушают сенсацию: в запасниках одного из бостонских музеев была найдена прекрасно сохранившаяся египетская мумия, которую называют Госпожой Икс. При томографии находки присутствует специально приглашенная судмедэксперт Маура Айлз. Каково же удивление Мауры и других участников эксперимента, когда в ноге древнего экспоната они обнаруживают... пулю! Как оказалось, Госпоже Икс вовсе не две тысячи лет... Вскоре детектив Джейн Риццоли находит в музейных подвалах еще несколько пугающих артефактов, и становится ясно, что мумифицированные жертвы – это дело рук убийцы, обладающего особыми знаниями и навыками. Роман «Хранитель смерти» – седьмой в серии, посвященной Джейн Риццоли и Мауре Айлз.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-14553-5

© Герритсен Т., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Тесс Герритсен

Хранитель смерти

© О. Лютова, перевод, 2018

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Адаму и Джошуа – тем, ради которых светит солнце

Каждая мумия – это целое исследование, никем не открытый континент, где вы оказались впервые в жизни.

Доктор Джонатан Илайас, египтолог

Благодарности

Я безмерно признательна доктору Джонатану Илайасу из «Консорциума по изучению ахмимских мумий» и Джоанн Поттер из Художественного центра имени Френсиса Лемана Лоэба при Колледже Вассара за то, что позволили поучаствовать в удивительном событии – КТ-исследовании Шеп-эн-Мина. Большое спасибо редактору Линде Марроу за блестящие замечания, Селине Уокер – за глубокое понимание, а также моему неустанному литературному агенту Мег Рули из Агентства Джейн Ротрозен.

Но самая большая благодарность – моему мужу Джекобу. За все.

1

Он придет за мной.

Я чувствую это нутром. Ощущаю по аромату, висящему в воздухе, такому же знакомому, как запах горячего песка, пряностей и сотен вкалывающих на солнце людей. Так пахнет пустыня на западе Египта, и я по-прежнему улавливаю ее запах, пусть даже темную спальню, где я сейчас лежу, и эту страну разделяет почти полмира. С тех пор как я ходила по пустыне, прошло пятнадцать лет, но стоит лишь закрыть глаза, и я снова оказываюсь там, на краю палаточного лагеря, – стою, глядя в сторону ливийской границы, наблюдаю закат. Попадая в вadi, сухое русло, ветер стонет, словно женщина. Я все еще слышу удары киркомотыг и звяканье лопат, а перед глазами встает целая армия египетских чернорабочих – заполонив место раскопок, они деловито, будто муравьи, вытаскивают землю в ивовых корзинах. Тогда, пятнадцать лет назад, я стояла там, в пустыне, с полным ощущением, что я актриса, снимающаяся в фильме о чьих-то похождениях. Но не о своих собственных. Скромная девочка из Индио, штат Калифорния, конечно же, никогда не мечтала о таких приключениях.

Слабый блеск фар проезжающей мимо машины проникает сквозь закрытые веки. Я распахиваю глаза, и Египет исчезает. Я больше не стою посреди пустыни и не гляжу на небо, измаранное закатом-кровоподтеком. Теперь темную спальню в Сан-Диего, где я сейчас лежу, и пустыню снова разделяет полмира.

Поднявшись с кровати, я босиком иду к окну, чтобы выглянуть на улицу. По соседству располагаются дома типовой застройки 1950-х – заурядные, оштукатуренные, они возведены еще до того, как частью американской мечты стали мини-особнячки и трехместные гаражи.

В этих скромных, но прочных домиках ощущается надежность (внешний вид тут не важен, главное – крыша над головой), и, к счастью, здесь я чувствую себя безликой. Обычная мать-одиночка, с трудом воспитывающая непослушную девочку-подростка.

Выглядывая из-за шторы на улицу, я вижу, как, замедляя ход, мимо соседних домов движется какой-то темный седан. Он тормозит у тротуара, фары выключаются. Я жду, когда появится водитель, но он не выходит. Он сидит в машине очень долго. Вероятно, просто слушает радио или же поссорился с женой и боится снова увидеть ее. А возможно, в автомобиле укрылись влюбленные, которым больше некуда пойти. Я способна выдумать массу совершенно безобидных объяснений, но колющий ужас все равно обдаёт мою кожу горячей волной.

Наконец задние габаритные огни седана снова оживают, и, отъехав от тротуара, он удаляется.

Автомобиль скрывается за углом, но даже после этого я нервничаю, сжимая штору влажными пальцами. А затем возвращаюсь в постель и, обливаясь потом, ложусь прямо на одеяло, но заснуть не могу. Даже сейчас, теплой июльской ночью, я наглухо закрываю окно в своей спальне и всегда настаиваю на том, чтобы моя дочь Тари тоже запирала свое на все шпингалеты. Но Тари не всегда меня слушает.

С каждым днем она прислушивается ко мне все реже.

Я закрываю глаза и, как всегда, вижу Египет. В мыслях я постоянно возвращаюсь туда. И даже раньше, еще ни разу не побывав на этой земле, я мечтала там оказаться. Мне было всего шесть лет, когда я увидела фотографию Долины царей на обложке «Нэшнл джиографик», и у меня сразу возникло чувство, будто я уже бывала там, будто я смотрю в знакомое и почти забытое, но безумно любимое лицо. Дорогие черты, которые жаждешь увидеть вновь, – именно так я отношусь к этой стране.

Шли годы, и я закладывала основы для возвращения. Работала и училась. Заслужив полную стипендию и оказавшись в Стэнфорде, я попала под руководство профессора, который с удовольствием направил меня на летнюю практику – раскопки в западной пустыне Египта.

В июне, по окончании третьего курса, я села в самолет, летевший в Каир.

Даже сейчас, лежа во мраке своей калифорнийской спальни, я прекрасно помню, как болели глаза от яркого солнца, освещавшего раскаленный белый песок. Я по-прежнему ощущаю аромат защитного крема, исходящий от моей кожи, и укусы ветра, бросающего песчинки прямо в лицо. От этих воспоминаний я чувствую себя счастливой. Взять в руки совок, подставить плечи палящему солнцу – вот он, предел девичьих мечтаний.

Но как же быстро мечты становятся страшным сном! В самолет до Каира я села счастливой студенткой. А через три месяца домой вернулась совсем другая женщина.

Из пустыни я приехала не одна. За мной увязалось чудовище.

Мои глаза резко распахиваются в темноте. Может, это звук шагов? Или скрип открываемой двери? Я лежу на влажном белье, а сердце так и колотится в груди. Мне страшно встать с кровати, но лежать я тоже боюсь.

В этом доме что-то не так.

Я скрываюсь уже много лет и точно знаю: не стоит игнорировать еле слышные предостережения, звучащие в голове. Я научилась обращать внимание на любое нелогичное явление, на едва заметные признаки беспокойства. Я замечаю незнакомые машины, проезжающие по моей улице. Вытягиваюсь в струну, стоит одному из сослуживцев сообщить, что меня кто-то спрашивал. Я тщательно разрабатываю планы бегства, даже если они мне долго не понадобятся. Через два часа мы с дочкой можем пересечь границу и оказаться в Мексике с другими документами. Наши паспорта с новыми именами уже надежно спрятаны в моем чемодане.

Лучше бы мы уехали раньше. Не стоило ждать так долго.

Но разве убедишь четырнадцатилетнюю девочку в том, что уехать далеко от друзей необходимо? Вся сложность в Тари – она не понимает, что мы в опасности.

Открыв ящик прикроватной тумбочки, я достаю пистолет. Он не зарегистрирован легально, и я переживаю, что огнестрельное оружие находится под одной крышей с моей дочерью. Шесть недель подряд я по выходным тренировалась в стрелковом тире и теперь знаю, как пользоваться этой штукой.

Когда я выхожу из своей комнаты и двигаюсь по коридору мимо спальни дочери, мои босые ноги ступают совершенно беззвучно. Как всегда, во мраке, я провожу обычную проверку, которую совершала уже тысячу раз. Безопаснее всего я чувствую себя в темноте – как любая жертва.

На кухне я проверяю окна и дверь. То же делаю и в гостиной. Все в порядке. Возвращаясь по коридору, я останавливаюсь возле двери в комнату дочери. Тари стала фанатично отстаивать свое личное пространство, но на ее двери нет замка, и я ни за что не позволю ему появиться. Я должна иметь возможность то и дело заглядывать к ней, чтобы убедиться: она в безопасности.

Дверь громко взвизгивает, когда я открываю ее, но мою дочь так просто не разбудишь. Как у большинства подростков, ее сон сродни коме. Почувствовав легкий ветерок, я вздыхаю. Тари снова пренебрегла моим наказом и оставила окно открытым, как бывало уже не раз.

Визит в спальню дочки с пистолетом кажется мне почти кошунственным, но окно закрыть необходимо. Шагнув в комнату, я останавливаюсь возле кровати Тари, прислушиваясь к равномерному ритму ее дыхания и вспоминаю, как впервые увидела ее на руках у акушерки – краснолицую и ревущую. Роды длились восемнадцать часов, и я настолько обессилела, что с трудом отрывала голову от подушки. Но, бросив лишь один взгляд на свою малышку, я готова была подняться с постели и встать на ее защиту, пусть даже мне пришлось бы сразиться с целым легионом злодеев. Именно в тот момент я поняла, как назову ее. Я вспомнила слова, высеченные на стене знаменитого храма в Абу-Симбеле. Рамзес Великий выбрал их, чтобы объявить о своей любви к супруге.

«НЕФЕРТАРИ – ТА, РАДИ КОТОРОЙ СВЕТИТ СОЛНЦЕ».

Моя дочь Нефертари – единственное сокровище, привезенное мною из Египта. И мне страшно потерять ее.

Тари очень похожа на меня. Смотреть на нее спящую – все равно что наблюдать за собой. В десять лет она уже умела читать иероглифы. В двенадцать – могла перечислить все династии вплоть до Птолемеев¹. Выходные Тари проводит в Музее человека². Во всех смыслах она – мой клон, и даже по прошествии времени в ней не проступают черты отца: ни во внешности, ни в голосе, ни – что самое важное – в душе. Она моя дочь, только моя, не оскверненная пороком родителя.

А еще она обычная четырнадцатилетняя девочка. В этом и состоит причина моего расстройства последних недель, когда я начала чувствовать, что тьма смыкается вокруг нас, и перестала спать по ночам, прислушиваясь, не доносятся ли шаги чудовища. Дочка не замечает опасности, потому что я всегда скрывала от нее правду. Я хочу, чтобы Тари выросла сильной и бесстрашной воительницей, которую не пугает мрак. Она не понимает, зачем я хожу по дому среди ночи, зачем наглухо закрываю окна и перепроверяю замки на дверях. Она считает меня мнительной, и это правда – я взяла на себя беспокойство за нас обеих, стремясь сохранить иллюзию, что вокруг все в порядке.

Тари в это верит. Ей нравится в Сан-Диего, и она с нетерпением ждет начала занятий в средней школе, куда впервые пойдет в этом году. Здесь ей удалось завести знакомства, и да сохрани Господь родительницу, рискнувшую встать между девочкой-подростком и ее дру-

¹ Птолемеи – последняя династия Древнего Египта, правившая в IV–I веках до н. э. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Музей человека – антропологический музей в Сан-Диего, штат Калифорния. Основа экспозиции – история Египта и индейцев-майя.

зьями. Тари упряма не меньше моего, и мы не смогли уехать отсюда несколько недель назад только потому, что она была против.

В комнату врывается ветерок, холодит потную кожу.

Положив пистолет на прикроватную тумбочку, я иду к окну, чтобы закрыть его, и ненадолго останавливаюсь там, вдыхая прохладный воздух. Если не считать писка moskitov, ночь потонула в тишине. Я чувствую болезненный укол в щеку. Укус москита приобретает смысл, лишь когда я тянусь вверх, чтобы опустить оконную раму. И ощущаю ледяное дыхание ужаса, обдающее мою спину.

На окне нет защитного экрана. «Где он?»

Только сейчас я чувствую присутствие мрака. Он наблюдал, как я с любовью смотрела на дочку. Постоянно следил за мной, выбирая время, выжидая момент, когда можно будет наброситься. И вот он настиг нас.

Обернувшись, я оказываюсь лицом к лицу со злом.

2

Доктор Маура Айлз никак не могла решить, остаться ей или сбежать.

Она задержалась в полумраке автомобильной стоянки возле больницы «Пилгрим» – в стороне от света прожекторов, подальше от скопления телекамер. Маура вовсе не хотела, чтобы ее увидели, ведь большинство местных репортеров тут же узнает темноволосую женщину, прозванную Королевой мертвых из-за стрижки каре и бледного лица. Однако пока никто не заметил прибытия доктора Айлз – ни одну из камер не повернули в ее сторону. Вместо этого человек десять репортеров сосредоточили свое внимание на белом фургоне – он только что остановился у входа в приемное отделение клиники, чтобы выгрузить свою знаменитую пассажирку. Задние дверцы фургона открылись, и под фотовспышками, которые грозовым шквалом взорвали вечер, прославленную пациентку осторожно перенесли из автомобиля на больничную каталку. Для прессы свет этой недавно открытой звезды отбросил в тень всех прочих, что уж там говорить о самом обыкновенном судмедэксперте. Сегодня Маура была всего-навсего частью преисполненной благоговения публики – этим теплым воскресным вечером ее влекло в клинику то же, что и репортеров, которые сбежались сюда, словно обезумевшие фанаты.

Все они жаждали взглянуть на Госпожу Икс.

Мауре уже не раз приходилось сталкиваться с телевизионщиками, однако теперешняя толпа горела таким нетерпением, что ей становилось не по себе. Она знала: стоит новой жертве попасть в их поле зрения, журналисты тут же переключатся на нее, а сегодня доктор Айлз чувствовала себя уязвленной и ранимой. Маура уже подумывала удрать от этой оравы – просто развернуться и снова сесть в машину. Но бежать было некуда: дома ее ждали лишь тишина и вино – возможно, даже несколько лишних бокалов, ведь Дэниел Брофи не сможет остаться с ней сегодня вечером. В последнее время такие вечера повторялись все чаще, но, полюбив Дэниела, Маура сама пошла на эту сделку. Сердце делает выбор, не заботясь о последствиях. Оно не может предвидеть будущих одиноких ночей.

Каталку с Госпожей Икс вкатили в больницу, и репортеры волчьей стаей ринулись следом. Маура осталась на стоянке одна. Некоторое время она смотрела сквозь стеклянные двери приемного отделения на яркие прожекторы и взволнованные лица, затем вошла в здание и последовала за свитой.

Каталку везли по приемному отделению мимо изумленных посетителей, мимо взволнованных служащих больницы – те уже держали наготове телефоны с фотокамерами, чтобы сделать снимки. Свернув в коридор, процессия продолжила свой путь в сторону отделения визуальной диагностики. Но за двери отделения пропустили только каталку. Один из чиновников больницы, в костюме и галстукe, выйдя вперед, преградил журналистам путь.

– Боюсь, здесь вам придется остановиться, – объявил он. – Понимаю, посмотреть на это хотят все, но помещение слишком мало. – Мужчина поднял руку, пытаясь усмирить возмущенный ропот. – Мое имя Фил Лорд. В больнице «Пилгрим» я руковожу отделом по связям с общественностью. Мы счастливы принять участие в этом исследовании, тем более что пациентки вроде Госпожи Икс встречаются не чаще, чем... э-э-э... раз в две тысячи лет. – Он улыбнулся в ответ на вполне предсказуемый смех. – Томография не займет много времени, так что, если хотите, можете подождать. Кто-нибудь из археологов сразу же выйдет к вам и объявит о результатах. – Фил обернулся к бледному мужчине лет сорока, который отступил в угол, словно в надежде остаться незамеченным. – Доктор Робинсон, может быть, вы хотите сказать несколько слов, прежде чем мы приступим?

По-видимому, общаться с публикой человек в очках хотел меньше всего, однако он смело выступил вперед, вздохнув и поправив очки, которые съехали на кончик его клювообразного носа. У этого археолога не было сходства с Индианой Джонсом. Из-за редящих волос и глаз, немного косивших от обильного чтения, он гораздо больше смахивал на бухгалтера, который совсем некстати оказался в фокусе телекамер.

– Я доктор Николас Робинсон, – представился он. – Куратор...

– Доктор, а можно погромче? – выкрикнул один из репортеров.

– О, простите. – Доктор Робинсон откашлялся. – Я куратор Криспинского музея, это здесь, в Бостоне. Мы безмерно благодарны больнице «Пилгрим» за предложение провести компьютерную томографию Госпожи Икс. Это потрясающая возможность заглянуть в прошлое, и, судя по числу присутствующих, ваше воодушевление ничуть не уступает нашему. Моя коллега Джозефина Пульчилло, египтолог, выйдет к вам после окончания томографии. Она объявит о результатах и ответит на все ваши вопросы.

– Когда публика сможет увидеть Госпожу Икс? – громко спросил один из журналистов.

– В течение недели, я полагаю, – ответил Робинсон. – Новая экспозиция уже готова, и...

– О ней что-нибудь известно?

– Почему ее не выставляли ранее?

– Она может быть царских кровей?

– Не знаю, – признался Робинсон, нервно замигав под градом вопросов. – Для начала нужно подтвердить, что она женщина.

– Вы обнаружили ее полгода назад и до сих пор не установили пол?

– Для подобных анализов нужно время.

– Да одного взгляда будет достаточно! – воскликнул какой-то репортер, и вся толпа расмеялась.

– Все не так просто, как вы думаете, – возразил Робинсон, и его очки снова поползли вниз. – Ей две тысячи лет, она чрезвычайно хрупкая и требует невероятной осторожности. Я ужасно нервничал сегодня уже из-за того, что ее перевозили в фургоне. В музее мы прежде всего заботимся о сохранности экспонатов. Я считаю себя хранителем Госпожи Икс, и защищать ее – мой долг. Именно поэтому мы не спешили соглашаться на предложенную больницей томографию. Мы действовали медленно, с осторожностью.

– Доктор Робинсон, что вы надеетесь узнать в ходе сегодняшней томографии?

Лицо археолога воодушевленно вспыхнуло.

– Что я надеюсь узнать? Да все! Возраст, состояние ее здоровья при жизни. Способ мумификации. А если повезет, мы даже сможем понять, от чего она умерла.

– Именно поэтому здесь присутствует судмедэксперт?

И тут вся толпа, словно многоглазое чудовище, обернулась к Мауре, стоявшей в дальнем конце зала. Теперь телекамеры были нацелены на нее, и Мауре, как обычно, захотелось спрятаться куда-нибудь подальше.

– Доктор Айлз, – громко обратился к ней один из телевизионщиков, – вы пришли поставить диагноз?

– При чем здесь вообще судмедэкспертиза? – недоумевал другой.

Этот вопрос требовал немедленного ответа, иначе пресса могла все извратить.

– Судмедэкспертиза здесь ни при чем, – твердо возразила Маура. – И уж конечно, мое пребывание здесь не оплачивается.

– Тем не менее вы здесь, – заметил блондинистый красавчик с «Пятого канала».

Этот тип никогда не нравился Мауре.

– По приглашению Криспинского музея. Доктор Робинсон предположил, что в этом случае может быть полезен взгляд судмедэксперта. А потому позвонил мне на прошлой неделе и спросил, не хочу ли я присутствовать на томографии. Поверьте, любой патолог немедленно согласился бы. Госпожа Икс вызывает у меня такой же восторг, как и у вас, и мне не терпится с ней познакомиться. – Маура многозначительно взглянула на куратора. – Не пора ли начинать, доктор Робинсон?

Последняя фраза была брошена, словно спасательный круг, и куратор тут же ухватился за нее.

– Да. Да, уже пора. Пойдемте со мной, доктор Айлз.

Протиснувшись сквозь толпу, Маура последовала за Робинсоном в отделение визуальной диагностики. Когда дверь закрылась, отрезав их от сборища репортеров, куратор шумно выдохнул.

– Боже, как я ненавижу публичные выступления! – признался он. – Спасибо, что прервали эти мучения.

– Я уже напрактиковалась в этом. И даже слишком.

Они пожали друг другу руки.

– Доктор Айлз, я счастлив наконец познакомиться с вами, – сказал Робинсон. – Господин Криспин тоже был бы рад знакомству, однако несколько месяцев назад он перенес операцию на бедре и ему все еще тяжело стоять. Он просил поклониться вам.

– Приглашая меня, вы не предупредили, что придется протискиваться сквозь эту ораву.

– Сквозь прессу? – Робинсон страдальчески взглянул на Мауру. – Это неизбежное зло.

– Неизбежное – для кого?

– Для музея и его существования. Как только вышла статья о Госпоже Икс, продажи билетов выросли до небес. А ведь мы ее пока что не выставляли.

Робинсон повел Мауру по лабиринту коридоров. Воскресным вечером в отделении визуальной диагностики царила тишина, а залы, мимо которых они проходили, были темными и пустыми.

– Похоже, будет тесновато, – пообещал Робинсон. – Там и для нескольких человек не очень много места.

– А кто еще присутствует?

– Моя коллега Джозефина Пульчилло, рентгенолог доктор Брайер и техник-лаборант. Ах да, еще будет съемочная группа.

– Вы кого-то наняли?

– Нет. Они с канала «Дискавери».

Маура изумленно усмехнулась:

– Что ж, теперь я и вправду потрясена.

– Впрочем, это означает, что нам придется следить за своими словами. – Остановившись перед дверью с надписью «КТ», Робинсон тихо добавил: – Думаю, съемку уже начали.

Они бесшумно проскользнули в просмотрную часть кабинета компьютерной томографии. Действительно, съемочная группа уже работала – доктор Брайер, глядя в камеру, объяснял, как будет происходить сканирование.

– Аббревиатура «КТ» означает «компьютерная томография». Наш аппарат под разными углами направляет пучки рентгеновских лучей на предмет исследования. Затем компьютер обрабатывает эту информацию, создавая трехмерное изображение внутренних органов. Вы увидите его вот на этом мониторе. Оно будет состоять из серии разрезов, как если бы мы в самом деле разделили тело на куски.

Пока шла съемка, Мауре удалось пробраться к просмотровому окну. И там, сквозь стекло, она впервые увидела Госпожу Икс.

Никто не станет спорить, что в изысканном мире музеев египетские мумии всегда были звездами первой величины. Именно вокруг этих витрин собираются толпы школьников; замороженные редкостным видом смерти, они прямо-таки прилипают к стеклу. В наше время только изредка можно увидеть выставленный напоказ человеческий труп – и то лишь в благообразном обличье мумии. Публика любит мумии, и в этом смысле Маура не была исключением. Пусть она видела лишь сверток в форме человеческого тела, лежавший в открытом ящике, пусть усохшая плоть была скрыта под полосками старинной льняной ткани – все равно Маура, замерев, безотрывно смотрела на Госпожу Икс. Голову мумии закрывала картонная маска, изображавшая женское лицо с выразительными темными глазами.

Но тут внимание доктора Айлз привлекла еще одна женщина, находившаяся в КТ-кабинете. Молодая особа в хлопчатобумажных перчатках, склонившись над ящиком, убирала разложенный вокруг мумии пенопласт. Лицо женщины обрамляли черные кудряшки. Она выпрямилась, чтобы убрать волосы с глаз – таких же темных и прекрасных, как те, что были изображены на маске. Средиземноморские черты вполне могли бы украсить стену любого египетского храма, а вот одежда была сугубо современной – узкие голубые джинсы и футболка с надписью «Живая помощь»³.

– Красавица, правда? – пробормотал подошедший к Мауре доктор Робинсон.

На мгновение доктор Айлз даже засомневалась, кого он имеет в виду – Госпожу Икс или эту молодую женщину.

– Похоже, она в отличном состоянии. Остается только надеяться, что тело сохранилось так же хорошо, как бинты, – добавил куратор.

– Как вы думаете, сколько ей лет? Есть какие-нибудь предположения?

– Мы отправили образец внешнего слоя ткани на радиоуглеродный анализ. Он съел почти все наши средства, но Джозефина настояла. И пришел ответ: второй век до нашей эры.

– То есть птолемеевский период, верно?

– Вы знаете египетские династии! – радостно улыбнувшись, воскликнул Робинсон.

– Я изучала антропологию в колледже, но, боюсь, уже ничего не помню, кроме египетских династий и племен яномама.

– И все равно я потрясен.

Глядя на обмотанное тканью тело, Маура не переставала изумляться: неужели лежащей в ящике мумии больше двух тысяч лет? Какой путь ей довелось проделать сквозь века, через океан – и все лишь для того, чтобы оказаться на КТ-столе в бостонской больнице под пристальными взглядами любопытных.

– Разве вы не станете вынимать ее из ящика на время сканирования? – удивилась Маура.

– Лучше прикоснуться к ней как можно реже. А ящик не мешает. Мы все равно увидим, что находится под льняной тканью.

– Так вы еще ни разу туда не заглядывали?

– Хотите спросить, не пытался ли я размотать ее? – Добрые глаза Робинсона округлились от ужаса. – Бог мой, нет. Вероятно, сто лет назад археологи поступали именно так, потому-

³ «Живая помощь» (Live Aid) – международный благотворительный музыкальный фестиваль, проходивший 13 июля 1985 года одновременно в нескольких странах. Собранные средства пошли в помощь пострадавшим от голода в Эфиопии.

то и уничтожили столько образцов. Под верхним покрытием наверняка есть несколько слоев смолы, и просто так снять ткань не получится. Возможно, придется просто прорубаться сквозь смолу. А это не только разрушительно, но и неуважительно. Я ни за что так не поступил бы. – Робинсон посмотрел в окно на темноволосую молодую женщину. – Да и Джозефина убила бы меня за это.

– Это ваша коллега?

– Да. Доктор Пульчилло.

– На вид ей лет шестнадцать.

– Молода, верно? Но умна как черт. Именно она организовала это сканирование. И даже когда больничные юристы пытались помешать, Джозефина все равно добилась своего.

– А с чего бы это юристам вздумалось возражать?

– Честно? С того, что пациентка не может дать больнице свое обоснованное согласие.

Маура изумленно усмехнулась:

– Они требовали обоснованное согласие от мумии?

– Юристы любят ставить все точки над «i». Даже если пациентка умерла больше двух тысяч лет назад.

Убрав все упаковочные материалы, доктор Пульчилло вошла в просмотрную часть кабинета и закрыла за собой дверь. Теперь освобожденная от всего лишнего мумия лежала в ящике и ждала первого обстрела рентгеновскими лучами.

– Доктор Робинсон! – позвал лаборант; его пальцы застыли над клавиатурой. – Перед тем как начать сканирование, нам нужно предоставить обязательную информацию о пациенте. Какую написать дату рождения?

Куратор нахмурился:

– О господи. Неужели нельзя обойтись без даты рождения?

– Не заполнив эти поля, я не смогу начать исследование. Я попытался ввести нулевой год, но компьютер его не принимает.

– Почему бы не взять вчерашнюю дату? Пусть ей будет всего день.

– Хорошо. Теперь программа хочет знать пол. Мужской, женский или иной?

Робинсон заморгал:

– Есть категория «иной»?

– До сих пор я ни разу не помечал это поле, – улыбнулся специалист.

– Что ж, давайте пометим его сегодня. На маске женское лицо, но уверенности у нас нет. Пол мы узнаем только после исследования.

– Ладно, – согласился доктор Брайер. – Можно начинать.

– Давайте начнем, – кивнул Робинсон.

Столпившись возле компьютерного монитора, все ждали первых изображений. В окно было видно, как изголовье стола вдвинулось в отверстие, похожее на дырку в бублике. Там голову Госпожи Икс начали с разных углов атаковать рентгеновские лучи. Компьютерную томографию нельзя назвать новой технологией в медицине, однако в археологии она используется сравнительно недавно. Собравшиеся в этом кабинете люди впервые в жизни присутствовали на КТ-исследовании мумии, и, когда все они сбились в кучку, Маура ясно ощутила – телекамера, нацеленная прямо на их лица, стремится запечатлеть первые реакции. Николас Робинсон, оказавшийся прямо за Маурой, без устали качался с пятки на носок, излучая нервность и заражая ею всех участников события. Слегка вытянув шею, чтобы лучше видеть монитор, доктор Айлз и сама почувствовала, как участился ее пульс. Первое возникшее на экране изображение вызвало лишь нетерпеливые вздохи.

– Это всего лишь очертания ящика, – пояснил доктор Брайер.

Взглянув на Робинсона, Маура заметила, что его сжатые губы превратились в тонкие полоски. А вдруг Госпожа Икс окажется всего-навсего пустышкой, узлом из тряпок? Доктор

Пульчилло напряглась так же сильно – она стояла рядом со своим коллегой, ухватившись за спинку кресла, в котором сидел рентгенолог, и поверх его плеча смотрела на монитор в ожидании, что там появится хоть какой-нибудь человеческий признак, хоть что-нибудь, способное подтвердить: под бинтами действительно тело давно умершего человека.

Следующее изображение все переменяло. Как только на мониторе возник удивительно светлый диск, присутствующие, словно по команде, резко втянули воздух.

Кость.

– Это свод черепа, – сказал доктор Брайер. – Поздравляю, там действительно кто-то есть. Робинсон и Пульчилло радостно похлопали друг друга по спинам.

– Этого момента мы и ждали! – воскликнул Робинсон.

– Теперь мы сможем завершить составление экспозиции, – улыбнулась Пульчилло.

– Мумия! – Запрокинув голову, Робинсон рассмеялся. – Все любят мумии!

На экране появились новые срезы, и всеобщее внимание снова переключилось на монитор – там отображались другие части черепа: вместо мозговой массы он был наполнен какими-то веревками, похожими на клубок червей.

– Это льняные полоски, – восхищенно пробормотала доктор Пульчилло, словно она в жизни не видела ничего прекраснее.

– Мозговая масса отсутствует, – заметил лаборант.

– Да, мозг обычно изымали.

– А это правда, что его выдерживали, засунув крючок через нос? – поинтересовался лаборант.

– Почти правда. Только мозг выдернуть не получится – он слишком мягкий. Возможно, использовался какой-то инструмент, при помощи которого его превращали в жидкую массу. А затем наклоняли труп так, чтобы мозг вытек через нос.

– Жестоко, черт возьми, – отозвался лаборант. Он ловил каждое слово Пульчилло.

– Египтяне порой оставляли череп пустым, а иногда наполняли его льняными полосками и ладаном. Вот как этот.

– А что вообще такое ладан? Мне всегда было интересно.

– Ароматическая смола. Ее выделяют особые африканские деревья. В Древнем мире она очень ценилась.

– Так, значит, поэтому один из трех волхвов принес ее в Вифлеем?

Доктор Пульчилло кивнула:

– Тогда это был дорогой подарок.

– Отлично, – снова заговорил доктор Брайер. – Мы опустились ниже уровня глазниц. Здесь вы видите верхнюю челюсть, а вот... – Он осекся, хмуро разглядывая неожиданное уплотнение.

– Бог ты мой, – пробормотал Робинсон.

– Что-то металлическое, – проговорил доктор Брайер. – В ротовой полости.

– Возможно, золотой листок, – предположила Пульчилло. – В греко-римскую эпоху в рот покойникам иногда клали золотые листки, похожие на язык.

Робинсон повернулся к камере, фиксирующей каждое замечание:

– Видимо, во рту находится металл. Это соотносится с нашим предположением о времени смерти – греко-римская эпоха...

– А это что?! – воскликнул доктор Брайер.

Взгляд Мауры тут же снова упал на монитор. На нижней челюсти мумии появилась белая звездочка с трещинками-лучами. Это изображение потрясло доктора Айлз – у покойника двухтысячелетней давности такой звездочки быть не могло. Она придвинулась к экрану, разглядывая деталь, которая, если бы речь шла о свежем трупе на ее секционном столе, вряд ли нуждалась бы в объяснении.

– Я понимаю, это невозможно, – тихо проговорила Маура. – Но знаете, на что это похоже? Рентгенолог кивнул:

– Напоминает пломбу.

Маура обернулась к Робинсону – судя по всему, он удивился не меньше других в этом кабинете.

– Вам когда-нибудь доводилось встречать это в описаниях египетских мумий? – спросила она. – Древние методы лечения зубов, сильно напоминающие современное пломбирование?

Он округлил глаза и покачал головой:

– Но это не означает, что египтяне не умели делать что-либо подобное. У них была самая развитая медицина во всем Древнем мире. – Робинсон обратил взгляд на свою коллегу. – Джо-зефина, что ты можешь нам сказать? Это ведь твоя область.

Ответ давался Пульчилло с трудом.

– Есть... существуют... медицинские папирусы времен Древнего царства, – сказала она. – В них описано, как вылечить шатающиеся зубы, как сделать зубной мост. Так что мы знаем: египтяне были искусными стоматологами. И сильно опережали время.

– Но разве они лечили зубы вот так? – спросила Маура, указав на монитор.

Встревоженный взгляд доктора Пульчилло снова метнулся к изображению.

– Если и лечили, то мне об этом неизвестно, – тихо ответила она.

На мониторе возникли новые картинки в серых тонах, на которых тело отображалось так, будто кто-то разрезал его на куски хлебным ножом. Пациентку со всех сторон атаковали рентгеновские лучи, она подвергалась высоким дозам радиации, однако ее не пугали ни рак, ни другие побочные эффекты. Рентгеновские лучи продолжали свое нападение на ее тело, но больная была послушна, как ни один другой пациент.

Предыдущие картинки настолько потрясли Робинсона, что теперь, ожидая нового сюрприза, он склонился к экрану и напрягся, словно натянутый лук. Появились первые изображения грудной клетки: полость была черной и пустой.

– Похоже, легкие удалили, – заметил рентгенолог. – В ее груди я вижу только частичку усохшего средостения.

– Это сердце, – проговорила Пульчилло уже более спокойным тоном. Наконец она увидела то, что ожидала. – Его всегда старались оставлять *in situ*⁴.

– Только сердце?

Пульчилло кивнула:

– Считалось, что ум находится именно там, а потому сердце никогда не отделяли от тела. В Книге мертвых содержится несколько разных заклинаний – их произносили, чтобы оно оставалось на месте.

– А другие органы? – поинтересовался лаборант. – Я слышал, их помещали в специальные сосуды.

– Так было до Двадцать второй династии. Примерно после тысячного года до нашей эры органы стали упаковывать в четыре свертка, и их снова помещали в тело.

– Значит, мы должны это увидеть?

– В мумии птолемеевского периода – да.

– Похоже, я могу высказать предположение о ее возрасте в момент смерти, – объявил рентгенолог. – Зубы мудрости полностью прорезались, а черепные швы заросли. Но дегенеративных изменений позвоночника я не вижу.

– Молодая, – сказала Маура.

– Возможно, ей не было и тридцати пяти.

– В ее времена тридцать пять – уже средний возраст, – заметил Робинсон.

⁴ На своем месте (*лат.*).

Исследование продолжалось – рентгеновские лучи по-прежнему проникали сквозь слои обмотки, сквозь оболочку из мертвой кожи и костей, только теперь они сканировали уже не грудную клетку, а брюшную полость. Изображения казались Мауре до жути непривычными, как если бы она присутствовала на вскрытии инопланетянина. В тех местах, где Маура привыкла видеть печень, селезенку, желудок и поджелудочную железу, отображались завитки льна, похожие на змей, – в этом пейзаже внутренностей не обнаруживалось ничего знакомого. Лишь просветления в позвоночном столбе говорили о том, что тело и в самом деле принадлежало человеку, только его сначала выпотрошили, превратив в пустую оболочку, а потом набили тканью, словно тряпичную куклу.

Возможно, анатомия мумии была чужда Мауре, а вот Робинсон и Пульчилло вступили на привычную территорию. Когда на экране появлялась новая картинка, они оба нагибались, указывая на знакомые детали.

– Вот, – заявил Робинсон. – Это и есть четыре льняных свертка с органами.

– Хорошо, а теперь мы видим таз, – пояснил Брайер. Он указал на две светлые дуги – верхние края гребней подвздошных костей.

Компьютер продолжал анализировать и отображать информацию, поставляемую бесчисленными рентгеновскими лучами, и с каждым срезом форма таза становилась все яснее. Каждая картинка приоткрывала все более привлекательные подробности, словно в цифровом стриптизе.

– Обратите внимание на форму тазового входа, – предложил Брайер.

– Это женщина, – заметила Маура.

Рентгенолог кивнул:

– Я бы сказал, результат вполне убедительный. – Он с улыбкой обернулся к археологам. – Теперь вы можете с полной уверенностью называть ее Госпожой Икс. Именно Госпожой, а не Господином.

– Взгляните на лобковый симфиз, – проговорила Маура, по-прежнему глядя на монитор. – Здесь нет расхождения.

– Согласен, – кивнул Брайер.

– И что это значит? – поинтересовался Робинсон.

– Во время родов младенец, пробираясь сквозь тазовый вход, может раздвинуть лобковые кости на месте их соединения – симфиза. Похоже, у этой женщины не было детей.

– Вашу мумию никто не называл мамой, – рассмеялся лаборант.

Сканирование таза закончилось, и теперь на экране показались срезы верхней части обеих бедренных костей, обрамленные усохшей плотью.

– Ник, нужно позвонить Саймону, – напомнила Пульчилло. – Он наверняка сидит возле телефона.

– О боже, я совсем забыл! – Робинсон вытащил из кармана мобильный и набрал номер начальника. – Саймон, угадай, на что я сейчас смотрю? Да, она великолепна. К тому же мы обнаружили несколько удивительных вещей, так что пресс-конференция должна быть очень даже... – Он запнулся, уставившись на монитор.

Возникшая картинка была настолько неожиданной, что все замерли. Если бы на КТ-столе лежал живой пациент, Маура без труда распознала бы небольшой металлический предмет, раздробивший изящное тело малоберцовой кости и застрявший в икре. Но этому кусочку металла было не место в ноге Госпожи Икс.

Пуля не имела никакого отношения к ее эпохе.

– Это то, что я думаю? – пробормотал лаборант.

Робинсон покачал головой:

– Должно быть, посмертное повреждение. Разве может быть иначе?

– Посмертное? Двухтысячелетней давности?

– Я... я перезвоню, Саймон. – Робинсон нажал кнопку разъединения на своем мобильном. И, обернувшись к оператору, приказал: – Выключите камеру. Пожалуйста, немедленно прекратите съемку. – Он глубоко втянул воздух. – Хорошо. Ладно, давайте... давайте подойдем к этому логически. – Археолог выпрямился, вновь обретая уверенность, когда ему на ум пришло вполне естественное объяснение: – Любители сувениров зачастую небрежно обращались с мумиями и портили их. По всей видимости, в эту мумию загнали пулю. А позднее какой-нибудь музейный хранитель, пытаясь устранить повреждения, обернул ее заново. И поэтому на бинтах не видно входного отверстия.

– Это произошло иначе, – возразила Маура.

Робинсон заморгал:

– Что вы имеете в виду? Мое объяснение наверняка соответствует действительности.

– Повреждение ноги – не посмертное. Это случилось, когда женщина еще была жива.

– Не может быть!

– Боюсь, доктор Айлз права, – заметил рентгенолог. Он перевел взгляд на Мауру. – Вы имеете в виду костную мозоль на месте перелома?

– Какая еще костная мозоль? – заволновался археолог. – Что это означает?

– Это означает, что сломанная кость уже начала срастаться, когда женщина умерла. После ранения она прожила еще по крайней мере несколько недель.

– Откуда взялась эта мумия? – обернувшись к куратору, спросила Маура.

Очки Робинсона снова сползли на кончик носа, и он, словно загипнотизированный, уже поверх них продолжал разглядывать светящийся участок ноги на мониторе.

На вопрос Мауры едва слышно, почти шепотом ответила доктор Пульчилло:

– Она лежала в подвале музея. Ник... доктор Робинсон обнаружил ее в январе.

– А как она попала в музей?

Пульчилло покачала головой:

– Мы не знаем.

– Наверняка есть какие-то записи. В вашей документации должны быть упоминания о том, откуда она взялась.

– О ней никаких сведений нет, – наконец выговорил Робинсон. – Криспинскому музею сто тридцать лет, и многие документы утрачены. Мы понятия не имеем, сколько она пролежала в подвале.

– Как же случилось, что вы ее обнаружили?

В помещении работал кондиционер, но на бледном лице Робинсона все равно выступил пот.

– Три года назад я пришел в музей и принялся каталогизировать собрание. Вот и наткнулся на нее. Она лежала в ящике без всякой маркировки.

– И это вас не удивило? Что такая редкость – египетская мумия – лежит в немаркированном ящике?

– Но мумии не такие уж и редкости. В девятнадцатом веке они продавались по пять долларов за штуку, а потому американские туристы вывозили их из Египта сотнями. Так мумии оказывались на чердаках и в антикварных лавках. Цирк уродов в Ниагара-Фолс объявлял даже, будто в их коллекции есть царь Рамзес Первый. А потому неудивительно, что мумия обнаружилась и в нашем музее.

– Доктор Айлз! – позвал Брайер. – Мы получили проекционную рентгенограмму. Возможно, вы захотите взглянуть.

Маура обернулась к монитору. На экране появилось изображение, похожее на обычный рентгеновский снимок – из тех, что она развешивала на своем негатоскопе в морге. Разобраться в этой картинке она могла и без помощи рентгенолога.

– Сомневаться тут особенно не в чем, – заметил доктор Брайер.

«Да уж, – подумала Маура. – Никаких сомнений быть не может. У нее в ноге пуля».
Она вынула свой мобильный.

– Доктор Айлз! – окликнул Робинсон. – Кому вы звоните?

– Хочу организовать доставку в морг, – ответила она. – Теперь Госпожой Икс займется судмедэкспертиза.

3

– Мне просто так кажется, или все чудные дела действительно достаются нам с тобой? – спросил Барри Фрост.

Случай с Госпожой Икс и вправду чудной, подумала Джейн Риццоли, ведя машину мимо фургонов новостных телестанций и сворачивая на автостоянку бюро судмедэкспертизы. Гиены-репортеры начали тявкать уже сейчас, в восемь утра, с жадностью выискивая все подробности невероятно мрачного дела (прошлым вечером Джейн ответила лишь скептическим смешком, когда доктор Айлз сообщила о нем по телефону). Увидев телевизионные фургоны, Риццоли вдруг поняла: похоже, пора отнестись к делу серьезнее, пора призадуматься – а вдруг это все-таки не тщательно продуманный розыгрыш одинокой и вовсе не склонной шутить Мауры?

Джейн остановила машину на одном из парковочных мест и, разглядывая телевизионные фургоны, задумалась: сколько же новых камер понавезут сюда к тому моменту, когда они с Фростом выйдут из здания?

– От этой хотя бы вони не будет, – заметила Джейн.

– Но, знаешь, от мумии можно подцепить какую-нибудь гадость.

Джейн обернулась к напарнику – его бледное мальчишеское лицо приобрело по-настоящему взволнованное выражение.

– Какую еще гадость? – удивилась она.

– С тех пор как Элис уехала, я стал чаще смотреть телевизор. Вчера вечером по каналу «Дискавери» была передача о мумиях, на которых сохраняются споры плесени.

– У-у-у! Споры! Страшно-то как!

– Это не шутка, – не унимался Барри. – Из-за них можно заболеть.

– Господи! Надеюсь, Элис скоро вернется. С каналом «Дискавери» ты явно переборщил.

Воздух был омерзительно влажным, и, когда они выбрались из машины, непослушные темные волосы Джейн завились мелким бесом. За четыре года службы детективом в убийном отделе полиции она неоднократно проходила этим путем к бюро судмедэкспертизы: в январе – поскользываясь на льду, в дождливые мартовские дни – бегом, а в августе – с трудом волоча ноги по раскаленному, словно угли, асфальту. Эту дорогу в несколько десятков шагов и само мрачное здание бюро она знала как свои пять пальцев. Раньше Джейн полагала, будто со временем она станет с легкостью преодолевать это небольшое расстояние и перестанет принимать близко к сердцу те ужасы, что каждый раз предстояло увидеть на столе из нержавеющей стали. Однако с момента рождения дочери Реджины, появившейся на свет год назад, смерть, как никогда, стала страшить Джейн. Материнство храбрости не прибавляет – напротив, ты становишься уязвимой и боишься, что вечность отнимет у тебя самое дорогое.

Впрочем, объект сегодняшнего исследования, ожидавший ее в морге, вызывал скорее любопытство, чем ужас. Оказавшись в вестибюле патологоанатомической лаборатории, Джейн тут же направилась к окну, чтобы поскорее увидеть лежавший на столе труп.

«Госпожа Икс» – так окрестила мумию газета «Бостон глоуб», и это прозвище вызывало в воображении образ страстной красавицы, такой темноглазой Клеопатры. Но Джейн увидела лишь обернутое тряпьем усохшее туловище.

– Не человек, а тамале⁵ какое-то, – заметила Джейн.

– И кто же эта девица? – глядя в окно, спросил Фрост.

В зале Джейн заметила двух незнакомых людей. Мужчину – высокого и неуклюжего, с профессорскими очками на носу, и молодую женщину – изящную брюнетку в голубых джинсах, выглядывавших из-под медицинского халата.

– Похоже, это музейные археологи. Они собирались прийти вдвоем.

– Это она-то археолог?! Обалдеть!

Джейн с раздражением толкнула напарника локтем:

– Стоило Элис уехать из города на пару недель, и ты уже забыл, что женат.

– Просто я и представить себе не мог, что археологи бывают такими красотками.

Риццоли и Фрост, надев бахилы и халаты, вошли в секционную.

– Привет, док! – поздоровалась Джейн. – Она что, и вправду наша клиентка?

Маура отвернулась от негатоскопа и, как обычно, наградила их своим предельно серьезным взглядом. Другие патологи, стоя у секционного стола, могут подшучивать или отпускать ироничные замечания, а доктор Айлз в присутствии мертвых и улыбалась-то крайне редко.

– Сейчас узнаем. Это куратор, доктор Николас Робинсон. А это его коллега, доктор Джозефина Пульчилло, – представила Маура людей, которых Джейн видела в окно.

– Вы оба из Криспинского музея? – осведомилась Риццоли.

– Да, и вовсе не рады тому, что я собираюсь делать, – ответила за гостей Маура.

– Вы испортите ее, – запротестовал Робинсон. – Резать ее необязательно – наверняка есть другой способ получения необходимой информации.

– Именно поэтому, доктор Робинсон, я и попросила вас прийти, – заметила Маура. – Вы сможете свести повреждения к минимуму. Мне меньше всего хотелось бы разрушить объект старины.

– А я так поняла, что вчерашняя компьютерная томография ясно показала пулю, – удивилась Джейн.

– Эти рентгеновские снимки мы сделали сегодня утром, – указав на негатоскоп, сообщила Маура. – Что скажешь?

Подойдя поближе к экрану, Джейн принялась разглядывать вывешенные на нем пленки. Сквозь правую икру просвечивало нечто, явно напоминавшее пулю.

– Да, теперь я понимаю, отчего ты так психанула вчера вечером.

– Я ничуть не психовала.

– Во всяком случае, я еще ни разу не слышала, чтобы ты говорила таким голосом, – рассмеялась Джейн.

– Признаюсь, я была потрясена, увидев это. И не только я – все мы. – Маура указала на снимок правой голени. – Обрати внимание на перелом малоберцовой кости – вероятно, от пули.

– Ты говоришь, это случилось, когда она еще была жива?

– Посмотри – костная мозоль на ранней стадии образования. Когда она умерла, кость уже начала заживать.

– Но ведь бинтам две тысячи лет, – запротестовал доктор Робинсон. – Это было подтверждено.

Джейн пристально вглядывалась в рентгеновские снимки, пытаясь логично объяснить то, что видела:

– Возможно, это вовсе не пуля, а какая-нибудь древняя железка. Наконечник копья или что-то в этом роде.

– Это не наконечник, Джейн, – возразила Маура. – Это пуля.

⁵ Тамале – традиционное мексиканское блюдо из кукурузной каши, завернутой в кукурузные листья.

– Тогда достань ее. Докажи это.

– А если достану – что тогда?

– Тогда у нас мозги и вскипят, черт побери! Или нет? Ну, то есть разве это можно как-то объяснить?

– Вчера вечером я позвонил Элис и все ей рассказал, – отозвался Фрост. – Знаешь, какой была ее реакция? «Путешествие во времени!» Это первое, что пришло ей в голову.

– И с каких пор Элис начала тебе подыгрывать? – засмеялась Джейн.

– Понимаешь, теоретически попасть в прошлое возможно, – не унимался Барри. – И притащить пистолет в Древний Египет тоже возможно.

– А может, мы лучше займемся реальными обстоятельствами? – нетерпеливо вмешалась Маура.

Джейн, нахмурившись, смотрела на светящийся кусочек металла – она и раньше видела похожие предметы на бесчисленных рентгеновских снимках безжизненных конечностей и разможенных черепов.

– Никакие реальные обстоятельства придумать не получается, – призналась она. – Почему бы тебе просто не разрезать ее и не достать эту железяку? Возможно, археологи правы. Ты делаешь поспешные выводы, док.

– Как куратор я обязан защищать мумию, – вмешался Робинсон, – и не позволю бездумно ее распарывать. Нельзя ли, по крайней мере, ограничиться повреждениями на одном необходимом участке?

– Это разумный подход, – кивнула Маура, приблизившись к столу. – Давайте перевернем ее. Если у раны есть входное отверстие, оно должно находиться на правой икре.

– Лучше нам работать вместе, – заметил Робинсон. Он подошел к изголовью стола, а Пульчилло шагнула к изножью. – Нужно поддерживать все тело, чтобы ничего не деформировать. Так что, примемся за дело вчетвером?

Подсунув обтянутые перчатками руки под плечи мумии, Маура попросила:

– Детектив Фрост, не могли бы вы придержать бедра?

Барри помедлил, разглядывая грязную льняную обмотку:

– А разве не надо надевать маски и все такое?

– Мы всего-навсего переворачиваем ее, – отозвалась Маура.

– Я слышал, они могут быть переносчиками болезней. Вдохнешь споры и заработаешь пневмонию.

– Ой, ради бога! – осадила его Джейн. Натянув перчатки, она шагнула к столу. Затем просунула руки под бедра мумии и объявила: – Я готова.

– Хорошо, поднимаем, – скомандовал Робинсон. – А теперь переворачиваем. Вот так...

– Ух ты, она почти ничего не весит, – поразились Джейн.

– Живое человеческое тело в основном состоит из воды. Но если удалить органы и высушить оболочку, от бывшего веса почти ничего не останется. Возможно, в ней лишь килограммов двадцать с обмоткой и всем остальным.

– Типа вяленой говядины, да?

– Вот именно. Вяленая человечина. Теперь давайте опустим ее. Осторожно.

– Знаете, а я ведь не шутил насчет спор, – сказал Фрост. – Я смотрел о них передачу.

– Вы имеете в виду проклятие Тутанхамона? – спросила Маура.

– Да, – подтвердил Фрост. – Именно о нем я и говорю! Обо всех тех людях, которые умерли, побывав в гробнице. Они вдохнули какие-то споры и заболели.

– Аспергилл, – пояснил Робинсон. – Возможно, потревожив гробницу, члены команды Говарда Картера вдохнули споры, которые собрались там за долгие века. И некоторые из них погибли от аспергиллезной пневмонии.

– Значит, Фрост не гонит пургу? – удивилась Джейн. – Что, мумия и вправду наложила на них проклятие?

Во взгляде Робинсона мелькнуло раздражение.

– Никакого проклятия, конечно же, не было. Да, несколько человек умерли, но после того, что Картер и его люди сделали с Тутанхамоном, на них действительно стоило бы наложить проклятие.

– А что они с ним сделали? – заинтересовалась Джейн.

– Обошлись с ним очень жестоко. Вскрыли его, поломали кости и, по сути, разорвали на части в поисках драгоценностей и амулетов. Порезали на куски, чтобы вынуть его из саркофага, оторвали руки и ноги. И голову отрубили. К науке это не имело никакого отношения. Это просто надругательство. – Куратор взглянул на Госпожу Икс, и в его взгляде Джейн прочитала восхищение и даже любовь. – Нельзя допустить, чтобы с ней произошло нечто подобное.

– Я вовсе не хочу портить мумию, – возразила Маура. – Поэтому давайте развернем ее так, чтобы можно было узнать, в чем дело.

– Вероятно, вам не удастся просто так развернуть ее, – заметил Робинсон. – Если внутренние бинты по традиции пропитаны смолой, они слиплись намертво, как будто их склеили.

Бросив еще один взгляд на рентгеновский снимок, Маура потянулась за скальпелем и пинцетом. Джейн неоднократно наблюдала, как Маура надрезает другие тела, но еще никогда нерешительность доктора Айлз не длилась так долго, еще ни разу ее рука не замирала над останками так, словно она боится пустить в ход лезвие. То, что вот-вот произойдет, навсегда повредит Госпожу Икс, а потому доктора Робинсон и Пульчилло глядели на Мауру с открытым осуждением.

И вот она сделала первый надрез. Но в нем не чувствовалось той уверенности, с какой обычно работала доктор Айлз. Она осторожно приподняла льняную обмотку пинцетом, чтобы скальпель рассек ткань – слой за слоем, бинт за бинтом.

– Отходит довольно-таки легко, – заметила она.

– Это необычно, – нахмурилась доктор Пульчилло. – Как правило, бинты смачивали горячей смолой. В тридцатые годы девятнадцатого века, когда мумии разворачивали, бинты порой отрывали с большим трудом.

– А вообще, зачем эта смола? – поинтересовался Фрост.

– Чтобы склеить обмотку. От смолы лен отвердевает и защищает мумию – ну, почти как ящик из папье-маше.

– Я уже прошла последний слой, – сообщила Маура. – Ни один из них не пропитан смолой.

Вытянув шею, Джейн взглянула на то, что находилось под обмоткой:

– Это у нее кожа такая? Прямо как на старых ботинках.

– Ботинки, детектив Риццоли, как раз и делают из сушеной кожи, – сказал Робинсон. – В некотором смысле.

Маура взяла в руки ножницы и бережно отрезала бинты, чуть больше обнажив кожу, которая напоминала намотанный на кости коричневый пергамент. Снова бросив взгляд на снимок, доктор Айлз осмотрела икру через увеличительное стекло.

– Входное отверстие мне найти не удалось.

– Значит, рана не посмертная, – поняла Джейн.

– Все так, как показано на снимке. Вероятно, инородное тело попало туда, когда женщина была жива. И она прожила еще некоторое время после этого, так как сломанная кость начала заживать. А рана зарубцевалась.

– И сколько для этого нужно?

– Несколько недель. Возможно, месяц.

– Но в течение этого времени наверняка кто-то заботился о ней, верно? Она должна была где-то жить, чем-то питаться.

Маура кивнула:

– Из-за этого определить причину смерти еще сложнее.

– Причину смерти? – удивился Робинсон. – Что вы имеете в виду?

– Проще говоря, – пояснила Джейн, – мы думаем, что она была убита.

– Но для начала нужно разрешить первоочередной вопрос. – Маура потянулась за скальпелем.

Мумифицированные ткани до того огрубели, что по фактуре напоминали выделанную кожу, и лезвие с трудом прорезало усохшую плоть.

Взглянув на людей, стоявших по другую сторону стола, Джейн заметила, что доктор Пульчилло сжала губы, словно в попытке сдержать протест. Однако, несмотря на возражения, которые вызывала в ней эта процедура, женщина не спускала глаз с мумии. Когда Маура взяла в руки пинцет и запустила его наконечники в надрез, всеобщее внимание было приковано к этому небольшому участку оголенной ноги – теперь над телом склонились все, включая Фроста, напуганного спорами плесени. Доктор Айлз всего несколько секунд покопалась в ссохшейся плоти, и вот наконечники пинцета выхватили желанную добычу. Когда Маура опустила ее в стальной лоток, вещь металлически звякнула.

Доктор Пульчилло резко втянула воздух. Предмет не имел ничего общего ни с наконечником, ни с обломком старинного ножа.

Наконец Маура констатировала очевидное:

– Думаю, теперь можно с уверенностью сказать, что Госпоже Икс вовсе не две тысячи лет.

4

– Ничего не понимаю, – пробормотала доктор Пульчилло. – Мы отправляли лен на анализ. Радиоуглеродное датирование подтвердило этот возраст.

– Однако это пуля, – напомнила Джейн, указывая в лоток. – Двадцать второй калибр. Ваш анализ наврал.

– Но ведь лаборатория – очень уважаемая! Они были уверены в своей оценке.

– Возможно, вы обе правы, – тихо вмешался Робинсон.

– Да ну? – Джейн обернулась к куратору. – Как же так, интересно?

Набрав воздуха в легкие, он отошел от стола, словно для дальнейших размышлений ему нужно было свободное пространство.

– Время от времени, как я замечал, их выставляют на продажу. Не знаю, много ли настоящих, но на рынке антиквариата наверняка существуют запасы подлинных образцов.

– Образцов чего?

– Обмоток мумий. Их найти проще, чем сами тела. Я видел их на интернет-аукционе.

Джейн издала потрясенный смешок:

– Можно просто выйти в Интернет и купить обмотку мумии?

– Когда-то существовал мощный международный рынок мумий. Тела измельчали и использовали в качестве лекарства. Вывозили в Англию под видом удобрения. Богатые туристы, привозя их домой, устраивали вечеринки с разворачиванием. Приглашали друзей посмотреть на то, как от мумий отдирают лен. А поскольку внутри обмотки нередко скрывались амулеты и драгоценности, это напоминало поиски сокровищ – хозяева, обнаруживая безделушки, дарили их гостям.

– Они так развлекались? – поразился Фрост. – Разматывали трупы?

– Это делалось в самых богатых домах Викторианской эпохи, – продолжал Робинсон. – Теперь вы понимаете, как неуважительно они относились к египетским мертвецам. После того

как тело было окончательно развернуто, его выбрасывали или сжигали. А обмотку часто оставляли на память в качестве сувенира. И потому ее до сих пор еще можно приобрести.

– Значит, обмотка, в отличие от тела, вполне может быть древней, – догадался Фрост.

– Только так можно объяснить наше радиоуглеродное датирование. А вот что касается самой Госпожи Икс... – Робинсон недоуменно покачал головой.

– Но мы пока не доказали, что это убийство, – проговорил Фрост. – Невозможно выдвигать обвинение, основываясь лишь на огнестрельном ранении, которое уже начало заживать.

– Я как-то сомневаюсь, что она сама захотела стать мумией, – заметила Джейн.

– В действительности это вполне вероятно, – возразил Робинсон.

– Сама захотела, чтобы у нее вырезали мозг и внутренние органы? – удивилась Джейн. – Нет уж, извините.

– Известны случаи, когда люди и вправду завещали свои тела именно для этих целей.

– Ой, я и об этом смотрел передачу, – подтвердил Фрост. – Тоже по «Дискавери». Один археолог там какого-то типа мумифицировал.

Джейн бросила взгляд на забинтованный труп. И представила, как ее саму слой за слоем упаковывают в удушающие тканевые полоски. Засовывают в льняную смирительную рубашку на тысячу-другую лет, а потом какой-нибудь любопытный археолог, однажды решив снять с нее ткань, обнажит усохшие останки. Не прах, а затвердевшую кожу. Джейн нервно сглотнула:

– И с чего вдруг человек станет принимать такое решение?

– Это ведь одна из форм бессмертия, разве не так? – ответил Робинсон. – Некая альтернатива гниению. Останки сохраняются. И тем, кто вас любит, не придется отдавать ваше тело в жертву разложению.

«Тем, кто вас любит». Джейн подняла взгляд:

– Так вы считаете, это может быть проявлением любви?

– В каком-то смысле да, если вы хотите держать при себе тело близкого человека. Спасти его от червей. От гниения.

«А ведь именно это и ожидает любую плоть», – пронеслось в голове у Джейн, и ей показалось, что температура в комнате резко снизилась.

– Может быть, любовь здесь ни при чем. Возможно, это какой-нибудь собственник потрудился.

Ее предположение явно встревожило Робинсона – Джейн почувствовала это, когда их взгляды встретились.

– О таком варианте я не подумал, – тихо признался он.

– Док, – обратилась Джейн к Мауре, – давай продолжим вскрытие. Чтобы начать работу, нам нужна более подробная информация.

Подойдя к негатоскопу, Маура убрала рентгеновские снимки голени и вывесила пленки с КТ-сканами.

– Давайте снова перевернем ее на спину.

С помощью скальпеля Маура рассекла льняные бинты, скрывавшие туловище, и на этот раз уже не осторожничала. Теперь стало ясно: тело, которое она будет резать, вовсе не старинный труп; нужно исследовать причину смерти, а в этом помогут лишь плоть и кости, но никак не льняная обмотка. Распоротая ткань обнажила усохшую коричневую кожу туловища, на которой выделялись дугообразные контуры ребер – этакий костяной свод, обтянутый пергаментом. Подойдя к изголовью стола, Маура сняла расписную картонную маску и начала ножницами разрезать скрывавшие лицо бинты.

Джейн бросила взгляд на КТ-пленки, вывешенные на негатоскопе, а затем, сдвинув брови, посмотрела на оголенное туловище:

– Органы удалили во время мумификации, так ведь?

Робинсон кивнул:

– Иссечение внутренностей замедляет процесс гниения. Это одна из причин, почему тела не разлагаются.

– Но ведь у нее на животе всего лишь одна маленькая ранка. – Джейн указала на небольшой надрез с левой стороны, зашитый неуклюжими стежками. – Как из такого отверстия можно все это вынуть?

– Именно так египтяне удаляли внутренности. Через небольшой надрез на левом боку. Тот, кто бальзамировал это тело, был знаком с древними методами мумификации. И явно следовал им.

– А что это за древние методы? Как именно делается мумия? – поинтересовалась Джейн.

Доктор Робинсон перевел взгляд на свою коллегу:

– Джозефина знает об этом больше меня. Может быть, она объяснит.

– Доктор Пульчилло? – обратилась к ней Джейн.

Похоже, молодая женщина все еще не отошла от потрясения – обнаруженная пуля не давала ей покоя. Она откашлялась и выпрямилась.

– Большая часть дошедших до нас сведений оставлены Геродотом, – начала она. – Думаю, его можно назвать древнегреческим писателем-путешественником. Две с половиной тысячи лет назад он странствовал по миру и записывал все, о чем узнавал. Проблема в том, что он, как известно, искажал детали. А может быть, его облапошивали местные проводники. – Доктор Пульчилло вымученно улыбнулась. – Но из-за этого мы начинаем относиться к нему как к обычному человеку, правда? Он напоминает нынешних туристов, приезжающих в Египет. Возможно, его тоже осаждали торговцы безделушками. Дурачили коварные проводники. Очередной простак за границей⁶.

– И что он написал об изготовлении мумий?

– Ему сказали, что все начинается с ритуального омовения трупа раствором натрона.

– Натрона?

– В сущности, это смесь солей. Ее можно сделать самостоятельно, соединив старую добрую поваренную соль и пищевую соду.

– Пищевую соду? – Джейн нервно усмехнулась. – Теперь я стану по-другому смотреть на эти оранжевые коробочки.

– Омытое тело выкладывали на деревянные бруски, – продолжала Пульчилло. – Для того чтобы сделать небольшой разрез, вроде того, что вы видите здесь, использовался острый как бритва нож из эфиопского камня – возможно, это был обсидиан. Затем неким крюкообразным инструментом через отверстие вытаскивали внутренние органы. Освобожденную полость ополаскивали и заполняли сухим натроном. Им также посыпали все тело, чтобы за сорок дней вся влага испарилась. Примерно так сушат рыбу. – Археолог умолкла, наблюдая, как ножницы Мауры рассекают последнюю покрывавшую лицо обмотку.

– А потом? – не унималась Джейн.

Пульчилло с трудом сглотнула:

– К тому времени тело становилось легче примерно на семьдесят пять процентов. Полость заполняли льняной тканью и смолой. Иногда туда возвращали и мумифицированные внутренние органы. А... – Доктор Пульчилло осеклась и, округлив глаза, уставилась на голову мумии, с которой упал последний бинт.

Они впервые увидели лицо Госпожи Икс.

Длинные черные волосы по-прежнему держались на голове. Кожа лица туго обтягивала выступающие скулы. Но лишь при взгляде на губы мумии Джейн отшатнулась. Они были зашиты такими грубыми стежками, словно над ними трудился портной Франкенштейнова чудовища.

⁶ Доктор Пульчилло явно имеет в виду известную книгу Марка Твена «Простаки за границей» (1869).

Пульчилло покачала головой:

– Тут... тут все не так!

– Обычно рот не зашивали? – осведомилась Маура.

– Нет! А как же тогда питаться в загробной жизни? Как же говорить? Ее словно осудили на вечный голод. И вечное молчание.

«Вечное молчание». Бросив взгляд на уродливые стежки, Джейн задумалась: «Может, ты сказала что-то, разозлившее убийцу? Огрызнулась на него? Оскорбила? Или свидетельство-вала против него? И теперь твое наказание – навеки сшитые губы».

Мумия была уже полностью обнажена – ее тело освободили от всех бинтов, и сейчас виднелась лишь усохшая кожа, облегающая кости. Маура надрезала туловище.

Джейн уже неоднократно наблюдала за тем, как делается Y-образный надрез, но всякий раз ее подташнивало от вони, возникавшей, когда лезвие скальпеля впервые рассекало грудину. Даже самые свежие трупы и те испускали едва ощутимый сернистый дух разложения – подобный исходит изо рта у некоторых живых. Правда, объекты исследования уже не дышали. Но Джейн называла этот запах именно так – «мертвое дыхание», и даже самый слабый его отголосок мог вызвать у нее приступ тошноты.

Однако от Госпожи Икс не исходило отвратительных запахов, даже когда скальпель про-резал ее грудную клетку, даже когда Маура методично рассекла ребра и, подняв грудную стенку так, словно это был древний рыцарский нагрудник, обнажила находившуюся под ней полость. Оттуда повеяло ароматом, который вовсе не показался неприятным, – он напоминал ладан. Вместо того чтобы попятиться, Джейн даже наклонилась пониже – как следует вдохнуть его. Сандаловое дерево, поняла она. Камфора. И что-то еще, напоминающее лакрицу и гвоздику.

– Что ж, этого я совсем не ожидала, – заметила Маура.

Она достала из полости небольшой кусочек усохшей пряности.

– Похоже на звездочку аниса, – произнесла Джейн.

– Это необычно, я полагаю.

– По традиции полагается мирра, – подтвердила Пульчилло. – Расплавленная смола. Ее использовали, чтобы замаскировать запах и отвердить труп.

– Раздобыть мирру в больших количествах не так-то просто, – вмешался Робинсон. – Возможно, именно поэтому ее заменили специями.

– Заменили ее чем-то или нет, но труп, похоже, прекрасно сохранился. – Вытащив из брюшной полости льняные свертки, Маура положила их в лоток, чтобы изучить позднее. Затем заглянула в опустошенное туловище и объявила: – Внутри она сухая, как выделанная кожа. И никакого запаха разложения.

– Так как же вы определите причину смерти? – забеспокоился Фрост. – При отсутствии органов?

– Не определю. Сейчас не определю.

Он взглянул на КТ-скан, висевший на негатоскопе:

– А что с головой? Мозга ведь тоже нет.

– Череп не поврежден. Я не вижу никаких переломов.

Джейн разглядывала рот покойницы, грубые стежки, сковавшие губы, и даже поморщи-лась, представив, как игла пронзает нежную плоть. «Надеюсь, это сделали, когда она умерла, а не до того, – подумала Риццоли. – Хочется верить, что она не чувствовала этого». Вздвогнув, Джейн обернулась, чтобы взглянуть на КТ-скан.

– А что это за светлая штуковина? – поинтересовалась она. – Похоже, она лежит во рту.

– У нее во рту два металлических уплотнения, – пояснила Маура. – Одно из них похоже на пломбу. Но в ротовой полости есть еще какой-то предмет, покрупнее. Возможно, именно поэтому ей зашили губы – чтобы этот объект оставался на месте. – Она взяла в руки ножницы.

Шовный материал оказался не простой ниткой, а полосками окаменевшей бычьей кожи. Даже после того, как Маура прорезала их, губы не разлипались, словно навеки примерзли друг к другу; рот мумии казался плотно сжатой щелью, которую необходимо было вскрывать.

Маура просунула между губами кончик гемостатического зажима – он металлически заскрежетал, упершись в зубы, – и осторожно увеличила отверстие. Но тут челюстной сустав с отвратительным щелчком отвалился, и Джейн вздрогнула. Нижняя челюсть отвисла, обнажив ровные красивые зубы, – добиться такого правильного прикуса мечтал бы любой современный стоматолог.

– Давайте посмотрим, что это за вещица у нее во рту, – проговорила Маура.

Продвинув гемостатический зажим чуть дальше, она вытащила продолговатую золотую монету, которая тихо звякнула, когда Маура опустила ее в лоток из нержавеющей стали. Все с изумлением воззрились на вещицу.

Внезапно Джейн расхохоталась.

– У некоторых очень нездоровое чувство юмора, – заметила она.

На золоте было по-английски отчеканено:

Я посетила пирамиды

Каир, Египет.

Маура перевернула монетку. На обратной стороне обнаружились три выгравированных символа – сова, человеческая кисть и согнутая в локте рука.

– Это картуш, – пояснил Робинсон. – Личная печать. Такие сувениры продают по всему Египту. Нужно просто назвать ювелиру свое имя, а он переведет его в иероглифы и тут же выгравировает их для вас.

– А что обозначают эти символы? – спросил Фрост. – Я вижу сову. Знак мудрости или что-то в этом роде?

– Нет, эти иероглифы не идеограммы, – возразил Робинсон.

– А что такое идеограмма?

– Символ, обозначающий то, что он изображает. Например, бегущий человек обозначает слово «бег». А две сражающиеся фигурки представляют собой слово «война».

– А эти обозначают что-то другое?

– Да, эти символы – фонограммы. Они представляют собой звуки, так же как наш алфавит.

– И что же здесь написано?

– В этой области я не специалист. Это может прочитать Джозефина. – Повернувшись к своей коллеге, археолог внезапно нахмурился. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Молодая женщина выглядела бледной – как трупы, которые обычно оказывались на этом анатомическом столе. Она смотрела на картуш с таким видом, будто символы заключали в себе нечто невообразимо жуткое.

– Доктор Пульчилло? – обратился к ней Фрост.

Она резко подняла глаза – так, словно испугалась звучания собственного имени.

– Все хорошо, – пробормотала она.

– Как насчет этих иероглифов? – поинтересовалась Джейн. – Вы можете прочесть их?

Пульчилло снова посмотрела на картуш.

– Сова – эквивалент нашего звука «м». Маленькая ладонь под ней читается как «д».

– А эта рука?

Пульчилло сглотнула:

– Она произносится как долгий звук «а». Даже после мягкой согласной будет тянуться «а-а-а».

– Эм, де, а-а-а. Что же это за имя такое?

– Может быть, Медея или что-то в этом роде? – предположил Робинсон. – Мне так кажется.

– Медея? – переспросил Фрост. – Это ведь про нее греки написали какую-то трагедию?

– Историю мести, – подсказал Робинсон. – Согласно легенде, Медея влюбилась в аргонавта Ясона, и у них родились два сына. Когда Ясон оставил ее и ушел к другой, Медея ответила убийством собственных сыновей и соперницы. И все это ради мести Ясону.

– А что же случилось с ней самой? – спросила Джейн.

– Эта история существует в нескольких вариантах, но в каждом из них Медея сбегает.

– После убийства собственных детей? – Джейн покачала головой. – Дурацкий конец – ее нельзя было упускать.

– Возможно, в этом и состоит смысл легенды: совершающий зло всегда избегает правосудия.

Джейн поглядела на картуш:

– Значит, легендарная Медея – убийца?

Робинсон кивнул:

– А еще она знала, как выживать.

5

Джозефина Пульчилло вышла из городского автобуса и в оцепенении двинулась по оживленной Вашингтонской улице, не обращая внимания на машины с грохочущими стереосистемами. Дойдя до угла, она перешла дорогу, но даже резкий визг автомобиля, затормозившего всего в нескольких сантиметрах от нее, потряс Джозефину куда меньше того, что она увидела сегодня утром в анатомической лаборатории.

«Медея».

Наверняка это просто совпадение. Удивительное, конечно, но иначе как это объяснить? Скорее всего, перевод на картуше неточный. Каирские продавцы безделушек, надеясь получить ваши доллары, такого понараскажут! Стоит лишь потрясти приличной суммой у них перед носом, и они беззастенчиво поклянутся, что сама Клеопатра носила вот именно эту дешевую побрякушку. Возможно, гравера попросили написать «Мэдди», «Мелоди» или «Мейбл». Весьма сомнительно, что иероглифы обозначают слово «Медея», поскольку это имя можно услышать лишь изредка, да и то в связи с греческой трагедией.

Раздался оглушительный автомобильный сигнал. Доктор Пульчилло вздрогнула и, обернувшись, увидела черный пикап, который медленно полз по улице рядом с ней. Окно опустилось, и какой-то молодой человек крикнул Джозефине:

– Эй, красотка, тебя подвезти? У меня на коленях полно места!

Всего один грубый жест с участием среднего пальца – и парень тут же понял, как Джозефина отнеслась к его предложению. Он усмехнулся. Пикап с ревом рванул прочь, изрыгая клубы выхлопного газа. Глаза Джозефины продолжали слезиться от гари, даже когда она поднялась по лестнице и зашла в дом, где находилась ее квартира. Доктор Пульчилло остановилась возле висевших в холле почтовых ящиков и, попытавшись отыскать в сумочке ключ, внезапно вздохнула.

Она подошла к квартире 1А и постучала.

Дверь распахнулась, оттуда выглянул пучеглазый инопланетянин.

– Вы все еще не нашли свои ключи? – осведомился пришелец.

– Господин Гудвин? Это же вы, правда?

– Что? Ах, простите. Мои старые глаза уже не такие, как раньше. Чтобы разглядеть эти чертовы винтики, нужны очки робота-полицейского. – Комендант здания снял огромные увеличивающие очки и тут же превратился из пучеглазого пришельца в совершенно обычного

шестидесятилетнего мужчину с непослушными прядями седых волос на голове, торчащими, словно рога. – Так все-таки связка ключей нашлась?

– Я уверена, что просто сунула их куда-то на работе. Мне удалось сделать новые ключи для машины и квартиры, но...

– Понимаю. Вам нужен ключ от почтового ящика, верно?

– Вы говорили, что вам пришлось сменить замок.

– Я сделал это сегодня утром. Входите, я дам вам новый ключ.

Джозефина неохотно вошла в квартиру вслед за хозяином. Если вы оказались в логове господина Гудвина, даже и не надейтесь вырваться оттуда раньше чем через полчаса. Соседи прозвали его «господином Гудвинтиком» по причине, ставшей очевидной и для Джозефины, когда та вошла в гостиную коменданта, вернее, в комнату, которая была отведена под гостиную. Скорее, она оказалась в берлоге мастера-ломастера, где все горизонтальные поверхности занимали старые фены, радиоприемники и прочие технические приспособления в разной стадии сборки или разборки. «Увлечение – только и всего, – как-то пояснил он. – И ничего больше не нужно выбрасывать. Я почию вам что угодно!»

Только, пока у него дойдут до этого руки, придется подождать лет эдак десять или больше.

– Надеюсь, вы все-таки найдете свои ключи, – сказал господин Гудвин, ведя ее мимо десятка подвергающихся ремонту объектов, на которых уже начала скапливаться пыль. – Я нервничаю, когда ключи от квартиры носит черт-те где. Знаете, на свете ведь столько воришек. А вы слышали, что сказал господин Любин?

– Нет. – Джозефине вовсе не хотелось выслушивать разговоры сварливого господина Любина, жившего по другую сторону коридора.

– Он видел черную машину, из которой кто-то изучал наш дом. Каждый вечер она очень медленно проезжает мимо, а за рулем сидит мужчина.

– Возможно, он просто ищет, где припарковаться. Именно по этой причине я редко вожу машину. Дело не только в ценах на бензин, а еще и в том, что я ненавижу уступать свое место на парковке.

– У господина Любина на такие вещи глаз наметан. Разве вы не знаете, что раньше он был шпионом?

Джозефина усмехнулась:

– Вы вправду верите в это?

– А почему бы и нет? Ну то есть с чего бы ему врать о таких вещах?

«Вы даже не представляете, о чем иногда врут люди», – пронеслось в голове у Джозефины.

Господин Гудвин выдвинул громко задребезжавший ящик и достал оттуда ключ.

– Вот он. Мне придется взять с вас сорок пять долларов за смену замка.

– А можно мне вписать эту сумму в чек с платой за аренду?

– Конечно. – Он улыбнулся. – Я вам доверяю.

«Я последний человек, которому стоит доверять», – подумала Джозефина, собираясь уходить.

– Ох, погодите. Мне снова оставили вашу почту. – Комендант подошел к захламленному обеденному столу и взял с него стопку писем и бандероль, перехваченные резинкой. – Почта-льон не смог засунуть ее в ваш ящик, и я пообещал, что передам это вам. – Он кивком указал на бандероль. – Я вижу, вы снова заказали что-то в «Л. Л. Бин»⁷, а? Похоже, вам нравится эта фирма.

⁷ «Л. Л. Бин» (L. L. Bean, Inc.) – частная компания, в розницу и по почтовым каталогам торгующая одеждой и оборудованием для отдыха на воздухе; находится в городе Фрипорт, штат Мэн.

– Да, нравится. Спасибо, что забрали мою почту.

– И что же вы у них покупаете – одежду или туристские принадлежности?

– В основном одежду.

– И она вам подходит? Даже то, что присылают по почте?

– Она мне прекрасно подходит. – Джозефина, натужно улыбнувшись, решила поскорее убраться, не то комендант чего доброго начнет выпрашивать, где она купила свое нижнее белье. – До встречи.

– А вот я сначала примеряю одежду, а потом уж покупаю, – отозвался он. – То, что шлют по почте, мне никогда не бывает впору.

– Я завтра же выпишу вам чек за аренду.

– И обязательно поищите свои ключи, ладно? Нынче нужно быть осторожнее, особенно когда такая красавица, как вы, живет совсем одна. Нехорошо, если ваши ключи окажутся у какого-нибудь негодяя.

Вырвавшись из квартиры коменданта, Джозефина начала подниматься по лестнице.

– Стойте! – крикнул господин Гудвин. – Еще один вопрос. Чуть было не забыл спросить. Нет ли у вас знакомой по имени Джозефина Sommer?

Доктор Пульчилло застыла, прижимая к себе стопку почты, и напряглась так, что ее спина стала жестче доски. А затем медленно обернулась к коменданту:

– Как вы сказали?

– Почтальон спросил, не вы ли это, но я ответил: нет, ее фамилия Пульчилло.

– А с чего... с чего вдруг он спросил об этом?

– Потому что там было письмо с номером вашей квартиры, на котором стояла фамилия Sommer, а не Пульчилло. Он решил, что это ваша девичья фамилия или что-то в этом роде. Я же сказал, что вы, насколько я знаю, не замужем. Но поскольку квартира действительно ваша, а Джозефин у нас не так-то много, я подумал: наверное, это вам. И поэтому положил в стопку с вашей почтой.

Доктор Пульчилло с трудом сглотнула.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Так это все-таки вы?

Джозефина не ответила. Она продолжала подниматься по лестнице, хотя знала: комендант наблюдает за ней и ждет ответа. Чтобы не дать ему возможности снова завалить ее вопросами, Джозефина нырнула в свою квартиру и закрыла за собой дверь.

Она так крепко прижимала к себе стопку корреспонденции, что казалось, будто сердце стучит уже не в груди, а в связке писем. Содрав резинку, Джозефина вывалила почту на журнальный столик. Конверты и гляцевые каталоги рассыпались по столешнице. Отодвинув в сторону бандероль из «Л. Л. Бина», она принялась копаться в ворохе писем и наконец обнаружила конверт, на котором незнакомым почерком было написано: «Джозефине Sommer». На нем обнаружился только бостонский почтовый штемпель, а вот обратного адреса не нашлось.

«В Бостоне кто-то знает это имя, – подумала она. – А что еще он обо мне знает?»

Джозефина еще долго сидела, не раскрывая конверт. Она боялась прочитать письмо. Ей было страшно оттого, что, как только она откроет его, жизнь изменится. Растягивая последнее мгновение, когда она по-прежнему может быть Джозефиной Пульчилло, тихой молодой женщиной, никогда не говорившей о своем прошлом. Женщиной-археологом, с маленьким окладом, которая с радостью скрывается в дальних залах Криспинского музея, трясясь над клочками папируса и обрывками льна.

«Я старалась, – думала она. – Очень старалась не поднимать головы и не отрывать глаз от работы, но прошлому все-таки удалось меня настичь».

Сделав глубокий вдох, Джозефина наконец разорвала конверт. Внутри оказалась записка, состоявшая из шести слов, которые были написаны печатными буквами. Из слов, сообщавших о том, что она и так знала:

НЕ СТОИТ ВОДИТЬ ДРУЖБУ С ПОЛИЦИЕЙ.

6

Экскурсовод Криспинского музея оказалась настолько древней, что ее саму можно было выдать за экспонат. Седовласой карлице с трудом хватало роста, чтобы выглянуть из-за стойки приемной.

– Прошу прощения, но мы открываемся ровно в десять, – объявила она. – Я с радостью продам вам билеты, если вы вернетесь сюда через семь минут.

– Мы пришли не ради экскурсии по музею, – возразила Джейн. – Мы из бостонской полиции. Я детектив Риццоли, а это детектив Фрост. Господин Криспин ждет нас.

– Меня не проинформировали об этом.

– Он здесь?

– Да. Он и мисс Дьюк совещаются наверху, – сообщила женщина. Она произнесла слово «мисс» с таким видом, будто хотела подчеркнуть: в этом здании до сих пор блюдут старомодные правила этикета.

Женщина вышла из-за стойки, демонстрируя клетчатую юбку в складку и огромные ортопедические туфли. На ее белой хлопчатобумажной блузке красовалась пластиковая карточка: «Госпожа Виллебрандт, экскурсовод».

– Я провожу вас в его кабинет. Но сначала мне придется запереть кассу. Сегодня мы снова ожидаем наплыв народа, и мне бы не хотелось оставлять ее без присмотра.

– О, да мы и сами найдем дорогу, – заверил Фрост. – Если вы скажете, куда идти.

– Я не хочу, чтобы вы заблудились.

Фрост изобразил столь очаровательную улыбку, что перед ней не должна была устоять ни одна пожилая дама.

– Я был бойскаутом, мэм. Обещаю: я не заблужусь.

Очаровать госпожу Виллебрандт ему не удалось. Через очки в стальной оправе она с сомнением оглядела детектива.

– Кабинет находится на третьем этаже, – наконец поведала она. – Можно подняться на лифте, но он едет очень медленно. – Экскурсовод указала на черную зарешеченную кабину, которая больше походила на старинную ловушку, чем на лифт.

– Мы поднимемся по лестнице, – ответила Джейн.

– К ней нужно идти по главной галерее, все время прямо.

Однако в этом здании идти «все время прямо» никак не получалось. Оказавшись в галерее первого этажа, Джейн и Фрост принялись блуждать по лабиринтам выставочных шкафов. Первой на их пути оказалась витрина с восковой фигурой джентльмена девятнадцатого века в полный рост, облаченного в костюм из тонкой шерсти и жилет. В одной руке он держал компас, в другой – пожелтевшую карту. Лицо мужчины было обращено к посетителям, а вот глаза глядели куда-то в сторону, ввысь и вдаль – в те края, что были видны лишь ему одному.

Наклонившись, Фрост прочитал надпись на табличке, стоявшей у ног джентльмена:

– «Доктор Корнелий М. Криспин, путешественник и ученый, тысяча восемьсот тридцатый – тысяча девятьсот двенадцатый. Сокровища, привезенные им со всего света, положили начало собранию Криспинского музея». – Фрост выпрямился. – Обалдеть! Представляешь себе род занятий – «путешественник»?

– Думаю, правильное было бы сказать: «богач». – Джейн подошла к следующей витрине, на которой под яркими лампочками поблескивали золотые монеты. – Эй, гляди-ка. Тут написано, что они из царства Креза.

– Этот уж точно был богачом.

– Хочешь сказать, Крез существовал на самом деле? Я всегда думала, это какая-то сказка!

Они приблизились к следующей витрине, заполненной керамикой и глиняными фигурками.

– Круто, – обрадовался Фрост. – Это шумерская посуда. Знаешь, она по-настоящему старая. Когда Элис вернется домой, я обязательно свожу ее сюда. Этот музей ей понравится. Странно, что до сих пор я о нем не знал.

– Зато теперь о музее узнали все. Убийство – лучший способ привлечь внимание.

Полицейские продолжали углубляться в лабиринты витрин, минуя мраморные бюсты греков и римлян, ржавые мечи и сверкающие драгоценности, а у них под ногами поскрипывали старые деревянные половицы. В этой галерее стояло столько витрин, разделенных узенькими проходами, что буквально каждый поворот головы приносил с собой очередную неожиданность – новое сокровище, привлекавшее внимание.

В конце концов они оказались на открытом пространстве, возле лестничного пролета. Фрост начал подниматься на второй этаж, но Джейн не пошла за ним. Ее потянуло к узкому дверному проему, обрамленному искусственным камнем.

– Риццоли? – позвал Фрост, обернувшись.

– Подожди минутку, – попросила она, глядя наверх, на перемышку, где помещалось соблазнительное приглашение: «ВОЙДИ. ОКАЖИСЬ В КРАЮ ФАРАОНОВ».

Джейн не смогла устоять.

Шагнув в проем, Риццоли оказалась в тускло освещенном помещении, и ей пришлось немного постоять, чтобы глаза привыкли к темноте. Во мраке постепенно обнаружился наполненный чудесами зал.

– Ух ты! – прошептал последовавший за напарницей Фрост.

Они очутились в египетской усыпальнице, стены которой покрывали иероглифы и погребальные рисунки. В зале были выставлены экспонаты из гробниц, выхваченные из тьмы тщательно продуманным слабым освещением. Джейн увидела саркофаг, который раскрыл зияющую пасть, словно ожидая своего вечного обитателя. Крышку каменной канопы венчала голова злобного шакала. На стене висели погребальные маски – рисованные лица, с которых пристально смотрели жутковатые черные глаза. Под стеклом лежал раскрытый папирусный свиток с отрывком из Книги мертвых.

У дальней стены помещалась пустая стеклянная витрина. Размером с гроб.

Вглядевшись в нее, Джейн заметила фотографию лежавшей в ящике мумии и каталожную карточку, на которой от руки было написано: «ЗДЕСЬ УПОКОИТСЯ ГОСПОЖА ИКС. ЖДИТЕ ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ!»

Пусть Госпожа Икс здесь никогда не появится, но она уже выполнила свою функцию, и в музей устремились толпы посетителей. Госпожа Икс привлекла вереницы зевак, стремящихся удовлетворить нездоровое любопытство и рвущихся хотя бы одним глазком взглянуть на смерть. Но один любитель острых ощущений на шаг опередил всех прочих. Он оказался до того извращенным, что сделал мумию сам – извлек из тела женщины внутренности, посыпал все полости солью и специями. А потом завернул его в лен, оплетая обнаженные конечности и туловище полосками ткани, – так паук обматывает беспомощную жертву своими шелковыми нитями. Безотрывно глядя на пустую витрину, Джейн раздумывала: каково это – пролежать целую вечность в стеклянном гробу? Внезапно зал показался ей тесным и душным, а грудь сжало так, словно это ее связали и льняные бинты сжимали и душили именно ее. Она нащупала верхнюю пуговицу блузки, чтобы ослабить ворот.

– Здравствуйте! Детективы?

Вздвигнув, Джейн обернулась и увидела женский силуэт, возникший в узком дверном проеме. Незнакомка была одета в обтягивающий брючный костюм, выгодно подчеркивавший стройную фигуру; ее светлые волосы, на которые сзади падал свет, казались сияющим нимбом.

– Госпожа Виллебрандт сообщила нам, что вы прибыли. Мы ждали вас наверху. Но я подумала, что вы могли заблудиться.

– В этом музее действительно очень интересно, – ответил Фрост. – Мы не удержались и решили осмотреться.

Когда полицейские вышли из египетского зала, женщина энергично и по-деловому пожала им руки. При более ярком свете основной галереи Джейн увидела, что этой красивой блондинке лет сорок – она выглядела примерно на век младше экскурсовода, которую детективы встретили в приемной.

– Я Дебби Дьюк, работаю здесь на общественных началах.

– Детектив Риццолли, – представилась Джейн. – А это детектив Фрост.

– Саймон ждет вас в своем кабинете, будьте любезны, пойдемте со мной. – Повернувшись, Дебби начала подниматься по лестнице; ее стильные туфли на каблучке цокали по обветшалым деревянным ступеням.

На лестничной клетке второго этажа внимание Джейн снова привлек удивительный экспонат: чучело медведя гризли с выпущенными когтями выглядело так, словно зверь был готов растерзать любого, кто поднимется по лестнице.

– Это чудовище подстрелил какой-нибудь предок господина Крипина? – поинтересовалась Джейн.

– Ох, – Дебби с отвращением глянула на экспонат. – Это Большой Бен. Нужно проверить, но, по-моему, отец Саймона привез его из Аляски. Я сама только начала изучать здешнее собрание.

– Вы здесь недавно?

– С апреля. Мы стараемся привлечь новых людей для работы на общественных началах. Может, вы знаете кого-нибудь, кто захотел бы к нам прийти? Особенно мы нуждаемся в молодых сотрудниках, которые могли бы работать с детьми.

Джейн по-прежнему не могла отвести глаз от медвежьих когтей, выглядевших просто убийственными.

– Я думала, это археологический музей, – сказала она. – Разве медведь имеет к этому отношение?

– На самом деле это всеобъемлющий музей, именно поэтому нам трудно его раскручивать. Большая часть экспонатов была собрана пятью поколениями Крипинов, но и пожертвований здесь достаточно. На втором этаже у нас большая выставка животных с клыками и когтями. Удивительно, но дети обычно оказываются именно там. Им нравится разглядывать плотоядных животных. Кролики им наскучили.

– Кролик не может убить человека, – отозвалась Джейн.

– Возможно, поэтому. Мы все любим бояться, верно? – Дебби отвернулась и снова принялась подниматься по лестнице.

– А что на третьем этаже? – поинтересовался Фрост.

– Еще одно выставочное помещение. Я покажу. Мы используем его для временных экспозиций.

– Значит, вы показываете и чужие экспонаты?

– О нет, у нас нет такой необходимости. В цоколе хранится столько всего, что, вероятно, в течение будущих двадцати лет можно, не повторяясь, ежемесячно менять экспозицию.

– А что там выставлено сейчас?

– Кости.

– Человеческие, что ли?

Дебби смерила Фроста изумленным взглядом:

– Конечно. А как же еще привлечь внимание до безобразия пресытившейся публики? Покажи им самую изящную вазу эпохи Мин или персидскую резную ширму из слоновой кости, они все равно отвернутся и отправятся напрямик к человеческим останкам.

– А откуда взялись эти кости?

– Здесь вы можете мне доверять. Все подтверждено документами. Один из Криспинов привез их из Турции лет сто назад. Не помню, кто именно, возможно, Корнелий. Доктор Робинсон решил, что пора вынуть их из запасников и снова показать публике. Эта экспозиция посвящена древним погребальным обычаям.

– Вы говорите так, словно сами занимаетесь археологией.

– Я? – Дебби рассмеялась. – Просто я люблю красивые вещи, и у меня полно свободного времени. А потому считаю: музеям стоит помогать. Вы посмотрели выставку на первом этаже? Кроме чучел плотоядных животных, у нас есть сокровища, на которые стоит взглянуть. Нашему музею нужно сосредоточиться именно на этом, а не на медвежьих чучелах, но ничего не поделаешь – приходится удовлетворять желания публики. Именно поэтому мы связывали с Госпожой Икс большие надежды. Она могла бы принести деньги, которых хватило бы, по крайней мере, на постоянное отопление.

Добравшись до третьего этажа, они оказались на выставке «Древние кладбища». Джейн увидела стеклянные витрины, в которых на песке были разложены человеческие кости – так, будто их только что выкопал совок археолога. Дебби энергично прошагала мимо, а Джейн незаметно для себя отстала и принялась разглядывать скелеты: вот кто-то свернулся в позе эмбриона, а вот костлявые конечности умершей мамы любовно обнимают фрагменты детских останков. Этот ребенок вряд ли был намного взрослее ее собственной дочери Реджины. «Да тут целая деревня мертвецов», – решила про себя Риццоли. Это кем же надо быть, чтобы так жестоко вырвать людей из мест их упокоения и переправить за границу, на забаву чужакам? Неужели предок Саймона Криспина совсем не чувствовал вины, извлекая кости из могил? Древние монеты, мраморные статуи и человеческие кости – ко всему этому семейство Криспинов относилось одинаково. Для них это всего лишь объекты коллекционирования, выставленные напоказ, словно добыча охотника.

– Детектив! – позвала Дебби.

Минуя молчаливых покойников, Джейн и Фрост следом за Дебби направились в кабинет Саймона Криспина.

Ожидавший их мужчина выглядел гораздо более хилым, чем предполагала Джейн. У него на макушке осталось всего несколько клочков седых волос, а руки и кожу головы покрывали бурые пигментные пятна. Однако, когда он принялся пожимать руки гостям, его пронизательные глаза осветились живым любопытством.

– Спасибо, господин Криспин, что согласились встретиться с нами, – поблагодарила Джейн.

– Жаль, что я сам не смог прийти на вскрытие, – посетовал он. – Но мое бедро еще не зажило после операции, и я по-прежнему ковыляю туда-сюда с палочкой. Садитесь, пожалуйста.

Джейн оглядела помещение, в котором стояли массивный дубовый стол и кресла с потертой обивкой из зеленого бархата. Кабинет с венецианскими окнами, обшитый темным деревом, казался владением одного из светских клубов прошлого века – в таких джентльмены обычно попивали херес. Однако эта комната обветшала так же, как и все здание музея. Персидский ковер истерся почти до дыр, а пожелтевшим томам в старомодном книжном шкафу на вид было лет сто.

Сидя в одном из кресел с бархатной обивкой, которое по размеру напоминало трон, Джейн почувствовала себя маленькой девочкой, решившей поиграть в принцессу. Фрост тоже занял одно из огромных кресел, но он устроился в бархатном троне совсем не по-королевски – у детектива был такой вид, будто он страдает от запора.

– Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вашему расследованию, – пообещал Саймон. – За ежедневную работу отвечает доктор Робинсон. Боюсь, после перелома бедра я вряд ли могу быть полезен.

– А как это случилось? – спросила Джейн.

– Упал в яму на раскопках в Турции. – Заметив, что Джейн приподняла бровь, Саймон улыбнулся. – Да, в таком глубоко преклонном возрасте, в восемьдесят два года, я занимался полевыми работами. Я никогда не был только кабинетным археологом. Уверен: нужно работать собственными руками, иначе ты просто-напросто любитель. – Нотка презрения, с которой он произнес последнее слово, не оставляла сомнений в том, что он думает о подобных дилетантах.

– Вы даже оглянуться не успеете, как вернетесь на полевые работы, – успокоила его Дебби. – Просто в вашем возрасте на восстановление уходит больше времени.

– У меня нет этого времени. Я приехал из Турции семь месяцев назад и очень волнуюсь, что раскопки превратятся в полный бардак. – Саймон вздохнул. – Но вряд ли тот бардак можно сравнить со здешним.

– Полагаю, доктор Робинсон рассказал вам о том, что выяснилось на вчерашнем вскрытии, – перешла к делу Джейн.

– Да. И сказать, что мы потрясены, – значит ничего не сказать. Такое внимание моему музею ни к чему.

– Думаю, Госпоже Икс такое внимание тоже вряд ли понравилось бы.

– Я и знать не знал, что в нашем собрании есть мумия, пока Николас не обнаружил ее во время инвентаризации.

– Он сказал, что это случилось в январе.

– Да. Вскоре после моей операции на бедре.

– Как в музее может затеряться мумия – такой ценный экспонат?

Криспин застенчиво улыбнулся:

– Посетите любой музей с большим собранием и, скорее всего, обнаружите, что их подвальные помещения в таком же беспорядке, как здешние. Нашему музею сто тридцать лет. За это время под его крышей трудились десяток разных кураторов и сотни стажеров, экскурсоводов и прочих сотрудников. Полевые дневники терялись, документы пропадали, экспонаты переставлялись на другие места. Поэтому неудивительно, что мы забывали о некоторых единицах хранения. – Он вздохнул. – Боюсь, мне придется принять на себя тяжелейшее бремя вины.

– Почему?

– В течение очень долгого времени я полностью доверял решение мелких проблем доктору Уильяму Скотту-Карру, нашему предыдущему куратору. Я не знал о том, что происходит дома. Но госпожа Виллебрандт была свидетельницей его деградации. Видела, как он начал терять бумаги, прикреплять к витринам не те таблички. В конце концов он стал таким рассеянным, что начал забывать, как называется даже самый простой инвентарь. Но трагедия состоит в том, что когда-то он, бывший полевой археолог, объездивший весь мир, был блестящим специалистом. Госпожа Виллебрандт написала мне о своих опасениях, и по приезде домой я понял, что у нас возникла серьезная проблема. Тут же уволить его у меня не хватило духу, и, как оказалось позже, это было необязательно. Его насмерть сбила машина, здесь же, прямо у нашего здания. Ему было всего семьдесят четыре, но, учитывая мрачный прогноз на будущее, возможно, это к лучшему.

– Болезнь Альцгеймера? – спросила Джейн.

Саймон кивнул.

– Возможно, симптомы уже лет десять были налицо, но Уильяму хорошо удавалось их скрывать. Собрание оказалось в полнейшем беспорядке. Однако мы даже не представляли, насколько плохи наши дела, пока три года назад я не взял на работу доктора Робинсона – он и обнаружил, что пропали инвентарные книги. Николас не смог отыскать документацию на множество стоявших в подвале ящиков. В январе, открывая ящик с Госпожой Икс, он понятия не имел, что там лежит. Поверьте, мы все были поражены. Я и не подозревал, что в нашем собрании хоть когда-нибудь была мумия.

– Мисс Дьюк сказала, что основная часть собрания осталась от ваших предков, – заметил Фрост.

– Пять поколений Криспинов самолично орудовали совками и лопатами. Страсть к коллекционированию у нас в крови. К сожалению, это еще и дорогостоящее увлечение, а потому музей высосал все, что осталось от моего наследства. – Криспин снова вздохнул. – Именно поэтому дела обстоят так: денег нет, а музей зависит от людей, работающих на общественных началах. И от дарителей.

– Может, Госпожа Икс именно так и попала к вам? – спросил Фрост. – Через дарителя?

– Экспонаты нам действительно жертвуют, – подтвердил Саймон. – Люди хотят, чтобы старинные ценности, за которыми они не умеют ухаживать, оказались в безопасном месте. Или чтобы их имя написали на маленькой изящной табличке и повесили на всеобщее обозрение в витрине постоянной экспозиции. Мы берем у них почти все.

– Но пожертвованная мумия у вас в документах не значится?

– Николас не обнаружил никаких упоминаний о ней. И уж поверьте, он искал тщательно. Это дело превратилось для него в основную задачу. В марте мы взяли на работу доктора Пульчилло, чтобы она помогла в исследовании Госпожи Икс, однако и Джозефина не смогла выяснить происхождение этой мумии.

– Вполне возможно, что Госпожа Икс попала в наше собрание во времена кураторства доктора Скотта-Карра, – предположила Дебби.

– Того, у которого был Альцгеймер, – поняла Джейн.

– Верно. Он мог потерять документацию. И это многое объяснило бы.

– Что ж, вполне разумная теория, – одобрила Джейн. – Но нам придется заняться и другими. Кто имеет доступ в цоколь?

– Ключи хранятся на стойке приемной, так что почти все сотрудники могут войти туда.

– Значит, положить Госпожу Икс в подвал мог любой сотрудник?

На мгновение воцарилась тишина. Дебби с Саймоном переглянулись, и лицо Криспина помрачнело.

– Мне не нравится ваш намек, детектив.

– Это вполне обоснованный вопрос.

– Мы достойная организация, в которой работают замечательные люди; большинство трудятся на общественных началах, – возмущенно сказал Саймон. – Наши экскурсоводы и студенты-стажеры пришли сюда, потому что хранение – их призвание.

– Их призвание не вызывает у меня сомнений. Мне просто стало интересно, кто имеет доступ в цокольный этаж.

– Но на самом деле ваш вопрос звучит так: кто мог спрятать труп в цоколе?

– Эту возможность нужно иметь в виду.

– Поверьте, убийц мы на работу не брали.

– Вы абсолютно уверены в этом, господин Криспин? – тихо спросила Джейн, не сводя однако пристального взгляда с коллекционера.

Риццоли заметила, что ее вопрос встревожил Саймона. Она заставила Криспина с ужасом задуматься, что кто-то из людей, знакомых ему ныне или в прошлом, мог принести смерть в этот благородный бастион знания.

– Прошу прощения, господин Криспин, – наконец проговорила она. – На некоторое время мы нарушим вашу привычную обстановку.

– Что вы имеете в виду?

– В ваш музей каким-то образом попал труп. Возможно, его пожертвовали лет десять назад. А может, поместили сюда совсем недавно. Проблема в том, что у вас нет документации. И вы даже не представляете, что еще может оказаться в вашем собрании. Похоже, нам придется осмотреть цокольный этаж.

Саймон недоуменно покачал головой:

– И что же вы надеетесь там найти?

Джейн не ответила – в этом не было необходимости.

7

– Неужели это настолько необходимо? – изумился Николас Робинсон. – Разве нельзя поступить иначе?

– Боюсь, что нет, – отозвалась Джейн, протягивая ему ордер.

Пока Робинсон читал, Джейн стояла возле него в окружении команды полицейских – трех детективов-мужчин. Сегодня они с Фростом взяли с собой для обыска детективов Триппа и Кроу, и вот теперь все ждали, пока Робинсон мучительно долго изучал ордер. Вечно нетерпеливый Даррен Кроу громко фыркнул с досады, и Джейн метнула в него раздраженный взгляд, как бы говоривший: «Остынь!» – и напоминавший: этой командой руководит она, так что не стоит высовываться.

Робинсон, накупившись, глядел на бумаги.

– Вы будете искать человеческие останки? – Он поднял глаза на Джейн. – Что ж, вы их обязательно найдете. Это ведь музей. И должен вас заверить: кости, выставленные на третьем этаже, действительно древние. Если хотите, я могу указать на соответствующие признаки по зубам...

– Нас интересует только то, что хранится в цоколе. Если вы откроете вон ту дверь, мы сможем начать обыск.

Робинсон оглядел стоявших поблизости полицейских и заметил, что детектив Трипп держит в руках лом.

– Ни в коем случае нельзя просто так вскрывать ящики! Вы можете повредить бесценные артефакты.

– Пожалуйста – вы можете наблюдать за всем и давать советы. Но большая просьба ничего не двигать и ни к чему не прикасаться.

– Зачем превращать музей в место преступления?

– Мы опасаемся, что Госпожа Икс – не единственная неожиданность в вашем собрании. А теперь, будьте добры, пройдете в цокольный этаж.

Нервно сглотнув, Робинсон посмотрел на старшего экскурсовода, которая наблюдала за этой стычкой:

– Госпожа Виллебрандт, не могли бы вы позвонить Джозефине и попросить ее срочно прийти? Она мне понадобится.

– Сейчас без пяти десять, доктор Робинсон. Скоро появятся посетители.

– Сегодня музей будет закрыт, – возразила Джейн. – Нам не хотелось бы, чтобы пресса учуяла, что здесь происходит. Так что, пожалуйста, закройте вход.

Госпожа Виллебрандт, демонстративно проигнорировавшая приказ Риццоли, продолжала смотреть на куратора:

– Доктор Робинсон?

Он покорно вздохнул:

– Похоже, в этом деле у нас нет выбора. Сделайте, пожалуйста, так, как велит полиция.

Открыв ящик шкафа, располагавшегося за стойкой приемной, куратор вынул связку ключей и, минуя восковую статую доктора Корнелия Криспина, а также греческие и римские мраморные бюсты, направился к лестничному колодцу. Несколько десятков шагов по скрипучим ступенькам – и они в цокольном этаже.

Там Робинсон остановился. Обращаясь к Джейн, он спросил:

– Мне понадобится адвокат? Меня подозревают?

– Нет.

– Тогда кто под подозрением? Скажите мне хотя бы это.

– Возможно, все случилось задолго до того, как вы начали здесь работать.

– Задолго – это когда?

– Во времена прежнего куратора.

Робинсон удивленно усмехнулся:

– У бедняги была болезнь Альцгеймера. Вы ведь не считаете, что старик Уильям хранил здесь мертвецов, верно?

– Дверь, доктор Робинсон.

Качая головой, куратор отпер дверь. На них повеяло прохладным сухим воздухом. Когда все вошли в помещение, Джейн услышала потрясенное бормотание своих спутников – те увидели громадное хранилище, где стоявшие рядами штабеля ящиков доставали чуть не до потолка.

– Пожалуйста, по возможности держите дверь закрытой, – попросил Робинсон. – Здесь установлен климат-контроль.

– Ну и дела, – буркнул Кроу. – Чтобы просмотреть все это, нам придется здесь поселиться. И вообще – что хранится в этих ящиках?

– Мы проинвентаризировали больше половины нашей коллекции, – сообщил Робинсон. – Если бы вы дали нам еще несколько месяцев на завершение работы, мы смогли бы рассказать, что содержится в каждом ящике.

– Несколько месяцев – слишком большой срок.

– Год у меня ушел только на изучение вон тех рядов, у задних полок. Я могу лично поручиться за их содержимое. Но в этом конце хранилища я еще не открыл ни одного ящика. Процесс инвентаризации медленный, потому что нужно быть очень аккуратным и все документировать. Некоторым единицам хранения уже несколько веков, и, возможно, они уже начали разрушаться.

– Даже в помещении с климат-контролем? – удивился Трипп.

– Систему кондиционирования воздуха установили только в шестидесятых.

Фрост указал на ящик, стоявший в самом основании штабеля:

– Смотрите, что на нем написано. «Тысяча восемьсот семьдесят третий. Сиам».

– Видите? – Робинсон взглянул на Джейн. – Здесь могут оказаться сокровища, которые не распаковывали лет сто. Я планировал методично осмотреть эти ящики и все задокументировать. – Он умолк. – Но тут я обнаружил Госпожу Икс, и моя инвентаризация прервалась. А так мы уже сильно продвинулись бы.

– Где вы нашли ее ящик? – спросила Джейн. – В какой части хранилища?

– Вот в этом ряду, у задней стены. – Он указал на дальний конец хранилища. – Она лежала в самом низу.

– Вы заглядывали в ящики, которые лежали над ней?

– Да. В них хранились предметы, приобретенные в девятьсот десятые годы. Артефакты из Османской империи, а также несколько китайских свитков и керамика.

– Девятьсот десятые? – Джейн вспомнила идеальный прикус мумии и амальгамовую пломбу в ее зубе. – Я почти уверена, что Госпожу Икс приобрели позже.

– И как же тогда она оказалась под более старыми ящиками? – удивился детектив Кроу.

– Тут кто-то явно все переставил, – заметила Джейн. – Чтобы к мумии было трудно под-
браться.

Оглядывая похожее на пещеру помещение, Джейн вспомнила усыпальницу, в которой похоронили ее бабушку, – то был настоящий мраморный дворец, там на стенах были выгравированы имена покоящихся в каждом склепе. «И теперь я оказалась в такой же? – пронеслось у нее в голове. – В гробнице, набитой безымянными жертвами?» Она направилась к дальней стене хранилища, к тому месту, где нашли Госпожу Икс. В этой части помещения перегорело несколько лампочек, так что угол оказался в тени.

– Давайте начнем отсюда, – предложила она.

Фрост и Кроу сняли верхний ящик со штабеля и опустили его на пол. На крышке было начертано: «Разное. Конго». С помощью лома Кроу оторвал крышку. При первом же взгляде на то, что лежало внутри, он отшатнулся, задев Джейн.

– Что там? – спросила она.

Даррен Кроу внезапно рассмеялся. Он протянул руку к ящику, вынул оттуда деревянную маску и приложил ее к лицу:

– Бу-у-у!

– Осторожно! – воскликнул Робинсон. – Это ценная вещь.

– А еще до ужаса страшная, – пробормотал Фрост, разглядывая нелепые черты деревянной маски.

Отложив маску в сторону, Кроу вынул мятые газеты, которыми для мягкости обложили содержимое ящика:

– «Лондон таймс», тысяча девятьсот тридцатый год. Думаю, наш подозреваемый тогда еще не появился.

– Я вынужден протестовать, – встрепнулся Робинсон. – Вы трогаете экспонаты руками... вы их пачкаете! Вам всем нужно надеть перчатки.

– Возможно, вам стоит подождать за дверью, доктор Робинсон, – предложила Джейн.

– Нет, я не уйду. Я обязан обеспечивать сохранность этого собрания.

Риццоли резко повернулась к нему. Куратор всегда казался кротким, но на этот раз он твердо решил стоять на своем. Джейн подошла поближе и заметила, как яростно моргают его глаза за линзами очков. Столкнувшись с полицейским вне стен музея, Николас Робинсон, возможно, повел бы себя иначе. Но здесь, на своей территории, защищая свое драгоценное собрание, он, казалось, готов был вступить в рукопашный бой.

– Вы ведете себя по-скотски, – возмутился он. – С чего вы взяли, что тут есть другие мертвецы? И что за люди, по вашему мнению, работают в музеях?

– Не знаю, доктор Робинсон. Это я и пытаюсь выяснить.

– Тогда спросите меня. Поговорите со мной, вместо того чтобы ломать ящики. Я знаю этот музей. Я знаю людей, которые тут работали.

– Вы кураторствуете всего три года, – заметила Джейн.

– Я также стажировался в музее в летние месяцы, когда учился в колледже. Я знал доктора Скотта-Карра, он был абсолютно безобидным человеком. – Куратор зыркнул на Кроу, который только что вынул из открытого ящика какую-то вазу. – Эй! Ей не меньше четырехсот лет! Относитесь к ней с уважением!

– Похоже, нам с вами пора выйти отсюда, – заключила Джейн. – Нужно поговорить.

Робинсон бросил встревоженный взгляд на трех детективов, принявшихся за следующий ящик. Он неохотно покинул хранилище и вслед за Риццоли пошел по лестнице, ведущей в галерею первого этажа. Они остановились рядом с египетским залом – над ними возвышался портал, имитирующий вход в гробницу.

– А если точнее, доктор Робинсон, когда вы здесь стажировались? – спросила Джейн.

– Двадцать лет назад, на первом и втором курсах колледжа. Когда Уильям был куратором, он каждое лето старался брать на стажировку одного или двух студентов.

– А почему сейчас у вас нет стажеров?

– В нашем бюджете не хватает средств, чтобы оплачивать их работу. Так что теперь почти невозможно привлечь сюда студентов. А кроме того, молодежь с большим удовольствием берется за полевые работы – там ведь можно быть среди сверстников. И не придется сидеть взаперти в старом пыльном здании.

– Что вы помните о докторе Скотте-Карпе?

– Он мне очень нравился, – ответил Робинсон. Воспоминание вызвало мимолетную улыбку на его лице. – Он уже тогда был немного рассеян, но всегда мил и обычно уделял нам много времени. Он с самого начала возложил на меня большую ответственность, так что я смог очень многому научиться. Как нигде. Даже несмотря на то, что для меня это закончилось разочарованием.

– Почему?

– У меня были слишком большие надежды. Я думал, что смогу получить такую же работу, когда закончу колледж.

– Но не получили ее?

Он покачал головой:

– В результате я стал наемной лопатой.

– Что это значит?

– Археолог-контрактник. В наше время это почти единственная работа, на которую может рассчитывать археолог, недавно закончивший учебу. Это называется «управлением культурным наследием». Я работал на стройплощадках и военных базах. Делал пробные раскопы, искал признаки исторической ценности, а затем уступал место бульдозерам. Такая работа подходит лишь для молодежи. Больших денег она не приносит, постоянно приходится кочевать с места на место, да к тому же вечно болят колени и спина. Поэтому, когда три года назад Саймон по телефону предложил мне это место, я был счастлив отставить лопату в сторону, пусть даже сейчас я получаю меньше, чем за работу в поле. Этим, кстати, и объясняется, что после смерти доктора Скотта-Карра должность куратора так долго оставалась незанятой.

– А разве музей может обойтись без куратора?

– Представьте себе. Если балом правит какая-нибудь госпожа Виллебрандт. При ней одни и те же экспонаты годами пылились в одних и тех же выставочных шкафах. – Бросив взгляд на стойку приемной, Робинсон понизил голос до шепота: – И знаете что? Она ничуть не переменялась с того времени, когда я был практикантом. Эта женщина родилась старухой.

Джейн услышала глухой стук шагов и, обернувшись, увидела Фроста, который устало поднимался по лестнице из цоколя.

– Риццоли, тебе нужно спуститься и взглянуть на это.

– Что вы нашли?

– Мы не знаем.

Вслед за Фростом Джейн и Робинсон снова направились в подземное хранилище. На полу, в том месте, где детективы осматривали содержимое еще нескольких ящиков, валялась деревянная стружка.

– Мы пытались снять вон тот ящик, и я оперся о стену, – пояснил детектив Трипп. – А она вроде как подалась немного. И потом я заметил вот это. – Он указал на кирпичную кладку. – Кроу, посвети туда фонариком, чтобы Риццоли было видно.

Джейн нахмурилась, когда Кроу направил луч света на стену. Она и впрямь выглядела слегка выгнувшейся. Один из кирпичей выпал, но сквозь эту брешь Джейн видела лишь сплошную тьму.

– Там внутри полно места, – добавил Кроу. – Когда я свечу туда фонариком, я даже заднюю стену не вижу.

Джейн обернулась к Робинсону:

– Что находится за этой кладкой?

– Понятия не имею, – пробормотал куратор, в недоумении разглядывая выгнувшуюся кладку. – Я всегда полагал, что эти стены очень прочные. Но ведь здание такое старое.

– Сколько ему лет?

– По крайней мере сто пятьдесят. Так сказал сантехник, который приходил ремонтировать туалет. Понимаете, когда-то этот дом был их семейной резиденцией.

– Криспинов?

– Ну да. Они жили здесь в середине девятнадцатого века, а потом все семейство переехало в Бруклайн, в новый дом. И тогда это здание превратили в музей.

– Куда выходит эта стена? – спросил Фрост.

Робинсон немного подумал.

– Она выходит на улицу.

– Значит, за ней не может быть другого здания?

– Нет, там должен быть тротуар.

– Давайте вынем несколько кирпичей, – предложила Джейн, – и посмотрим, что там, с другой стороны.

Лицо Робинсона приобрело встревоженное выражение...

– Если вы начнете вынимать кирпичи, все развалится.

– Но эта стена явно не несущая, – возразил Трипп. – Иначе она уже давно рухнула бы.

– Я требую, чтобы вы немедленно прекратили все это, – не унимался Робинсон. – Прежде чем вы двинетесь дальше, я должен поговорить с Саймоном.

– Так почему бы вам не позвонить ему прямо сейчас? – спросила Джейн.

Пока куратор удалялся, ни один из четырех детективов не шевельнулся – такая живая картина, знаменовавшая уход одного из действующих лиц. Как только дверь за Робинсоном закрылась, Джейн снова сосредоточила внимание на стене.

– Нижние кирпичи даже раствором не скрепили. Просто сложили один на другой.

– Тогда на чем же держится эта стена? – удивился Фрост.

Джейн осторожно вытащила один из незакрепленных кирпичей, хотя почти не сомневалась, что остальные тут же обрушатся. Однако стена устояла.

Риццоли поглядела на Триппа:

– Что ты об этом думаешь?

– Должно быть, где-то вверху есть связь, удерживающая всю верхнюю треть стены.

– Значит, мы запросто можем вынуть нижние кирпичи, верно?

– Наверняка. Думаю, да.

Джейн нервно усмехнулась:

– Ты меня страшно обнадежил, Трипп.

Пока трое мужчин-детективов стояли рядом и наблюдали, Риццоли осторожно вытащила сначала один незакрепленный кирпич, затем второй. Она не могла не заметить, как коллеги посторонились, оставив ее одну на один со стеной. Несмотря на растущую брешь, конструкция по-прежнему держалась. Заглянув в дыру, Джейн увидела лишь крошечную тьму.

– Дай мне свой фонарик, Кроу.

Тот протянул ей фонарь.

Опустившись на колени, Джейн посветила в пролом. Ей удалось различить шероховатую поверхность противоположной стены, которая находилась всего в нескольких метрах. Риццоли медленно провела по ней лучом света и замерла, наткнувшись на вырезанную в камне нишу. На лицо какого-то человека, смотревшего из тьмы прямо на Джейн.

Она отпрянула, с трудом дыша.

– Что? – спросил Фрост. – Что ты там увидела?

На мгновение Джейн лишилась дара речи. С бьющимся сердцем она безотрывно смотрела на пролом в стене – мрачное окно в камеру, которую ей совсем не хотелось обследовать. Особенно после того, что она увидела во тьме всего минуту назад.

– Риццоли?

Она тяжело сглотнула.

– Думаю, пора звать медэкспертизу.

8

Маура не впервые оказалась в Криспинском музее.

Несколько лет назад, вскоре после переезда в Бостон, она обнаружила упоминание о нем в путеводителе по местным достопримечательностям. Однажды холодным январским днем, в воскресенье, она распахнула парадную дверь музея и переступила его порог, готовясь к состязанию с обычными для выходных посетителями – измученными родителями, волочащими за собой скучающих детишек. Но вместо этого оказалась в притихшем здании, где в приемной обитал один-единственный экскурсовод – пожилая женщина взяла с Мауры плату за вход, после чего и помнить о ней забыла. Доктор Айлз в полном одиночестве прошла одну за другой мрачные галереи, миновала запыленные стеклянные витрины с диковинками, свезенными со всего света, и желтеющими ярлыками, которые выглядели так, будто их сто лет никто не менял. Еле живая топка не могла прогнать стужу из здания, и за все проведенное в музее время Маура так и не сняла пальто и шарф.

Через два часа она вышла из здания. Музей поверг ее в уныние. И не только он – эта одинокая прогулка словно бы символизировала ее тогдашнюю жизнь. Маура, которая незадолго до того развелась с мужем и очутилась в незнакомом городе совсем одна, без друзей, казалась неприкаянной странницей на фоне мрачного, холодного пейзажа – ее не просто не встречали, о ее существовании будто бы никто и не знал.

С тех пор она больше не возвращалась в Криспинский музей. До сегодняшнего дня.

Переступив порог здания и снова вдохнув запах старины, Маура внезапно почувствовала приступ того же самого уныния. И хотя она не была здесь уже несколько лет, тоска того январского дня снова тяжестью повисла на плечах, напоминая, что на самом деле ее жизнь с тех пор не слишком-то изменилась. Пусть теперь она влюблена, но все равно бродит одна по воскресеньям... в особенности по воскресеньям.

Однако сегодня нужно было сконцентрироваться на служебных обязанностях, и Маура вслед за Джейн спустилась вниз по лестнице в хранилище, в цокольный этаж. К этому времени детективы расширили отверстие в стене настолько, чтобы Маура могла протиснуться в него. Она остановилась у входа в камеру и, нахмурившись, оглядела гору вынутых кирпичей.

– А туда не опасно входить? Вы уверены, что стена не обрушится? – осведомилась она.

– Сверху ее удерживает крестовая связь, – объяснила Джейн. – Все сделано так, чтобы стена выглядела сплошной, но, думаю, когда-то здесь была дверь, ведущая в потайную комнату.

– Потайную? Для каких целей?

– Может, для хранения ценностей? Для складирования выпивки во время «сухого закона»? Кто знает? Даже Саймон Криспин понятия не имеет, для чего предназначалось это помещение.

– А он знал о его существовании?

– Он говорит, что, когда был ребенком, слышал о некоем подземном ходе, соединявшем это здание с другим, расположенным напротив. Но эта камера никуда не ведет. – Джейн протянула Мауре фонарик. – Ты первая, – добавила она. – Я пойду следом.

Доктор Айлз опустилась на корточки возле дыры. Она чувствовала на себе взгляды детективов, которые молча наблюдали за ней, ожидая реакции. То, что таилось в этой камере, встревожило полицейских; их молчание отбивало у Мауры охоту действовать. Она пока еще ничего не видела, но прекрасно знала: во тьме ее ждет нечто омерзительное, долго лежавшее в этой камере с мерзлым вонючим воздухом. Опустившись на колени, Маура пролезла в дыру.

За стеной обнаружилось помещение, где она с трудом смогла встать в полный рост. Вытянув руку перед собой, Маура ничего не нащупала. Она включила фонарик.

Перед ней мелькнула чья-то отрезанная голова.

Громко втянув воздух, Маура в ужасе отпрянула, натолкнувшись на Джейн, которая только что заползла в камеру вслед за ней.

– Я так понимаю, ты их увидела.

– Их?

Джейн включила свой фонарик.

– Одна прямо здесь. – Луч упал на ту голову, которую только что узрела Маура. – Вторая – вот здесь. – Сместившись, луч оказался на второй нише, где находилась другая, невероятно усохшая голова. – И наконец, третья – вот тут. – Джейн направила фонарик на выступ прямо над Маурой. Сморщенное лицо обрамлял каскад блестящих черных волос. Губы скрепляли грубые стежки – словно кто-то приговорил их к вечному молчанию.

– Скажи мне, что это ненастоящие головы, – тихо взмолилась Джейн. – Пожалуйста.

Маура полезла в карман за перчатками. Ее руки озябли, стали неловкими, потому в темноте она с трудом смогла натянуть на пальцы латекс. Джейн направила луч света на выступ, и Маура осторожно сняла голову с каменной полки. Та оказалась удивительно легкой и запросто умещалась на ладони. Копна волос ничем не была скреплена, и Маура вздрогнула, когда шелковистые пряди коснулись ее оголенной руки. «Это не просто нейлон, – решила она, – это настоящие волосы. Человеческие волосы».

Маура нервно сглотнула.

– Думаю, это тцантца.

– Чего-о?

– Усохшая голова. – Маура поглядела на Джейн. – Похоже, настоящая.

– А они могут быть старинными? Ну, например, древними экспонатами, привезенными из Африки?

– Из Южной Америки.

– Без разницы. Они могут относиться к старому собранию?

– Могут. – Во мраке Маура бросила взгляд на Джейн. – А могут оказаться современными.

Служители музея разглядывали три усохшие головы, лежавшие на столе музейной лаборатории. Безжалостный свет ярких ламп выделял каждую их деталь – от пушистых ресниц до замысловатого плетения хлопковой нити, скреплявшей губы. Две головы были увенчаны длинными, черными как смоль волосами. На третьей красовалась грубоватая короткая стрижка, выглядевшая так, словно на кукольную головку кто-то надел слишком большой женский парик. Тцантцы и в самом деле были такие маленькие, что, если бы не брови и ресницы, выглядевшие абсолютно настоящими, их запросто можно было принять за резиновые сувениры.

– Ума не приложу, с чего вдруг они оказались за той стеной, – пробормотал Саймон. – И как они там очутились.

– Это здание полно тайн, доктор Айлз, – заметила Дебби Дьюк. – Как только мы начинаем обновлять проводку и чинить сантехнику, рабочие обязательно находят что-нибудь новенькое. Какое-нибудь замурованное помещение или коридор, который совершенно не использовался. – Дебби бросила взгляд на Робинсона, стоявшего по другую сторону стола. – Помнишь, какой

ужас был в прошлом месяце, после удара молнии, а? Электрику пришлось разломать полстены на третьем этаже, чтобы выяснить, как идет проводка. Николас? Николас?

Пристально разглядывавший головы куратор поднял взгляд лишь после того, как услышал свое имя.

– Да, в этом здании есть нечто загадочное, – согласился он. И тихо добавил: – Я вот думаю: а что еще мы до сих пор не обнаружили за его стенами?

– Так, значит, эти штуки настоящие? – спросила Джейн. – Это и правда усушенные человеческие головы?

– Вне всякого сомнения, настоящие, – отозвался Николас. – Сложность в том...

– В чем?

– Мы с Джозефиной просмотрели все инвентарные книги, какие смогли найти. Если верить каталогам, в собрании нашего музея и вправду имеются тцантцы. Они появились в тысяча восемьсот девяносто восьмом году – именно тогда доктор Стенли Криспин привез их из путешествия по бассейну Верхней Амазонки. – Робинсон поглядел на Саймона. – Он твой дед, я полагаю.

Саймон кивнул:

– Я слышал, что они были в нашем собрании. Но никогда не знал, что с ними стало.

– Куратор, служивший здесь в восемьсот девяностые, описал их следующим образом. – Робинсон перевернул несколько страниц инвентарной книги. – «Трофейные головы, традиционные для индейцев-хиваро, обе в прекрасном состоянии».

Поняв смысл этого описания, Маура взглянула на Робинсона:

– Вы сказали «обе»?

Тот кивнул:

– Если верить записям, в нашем собрании их всего две.

– А могла ли третья появиться позже, но так и не попасть в документы?

– Разумеется. Это одна из проблем, с которыми мне приходится бороться, – неполная документация. Вот почему я принялся за инвентаризацию – хотел наконец понять, что именно у нас есть.

Маура, нахмурившись, оглядела три усохшие головы:

– Значит, теперь вопрос в том, какая именно появилась позже. И как давно она здесь.

– Я ставлю на то, что новая – эта. – Джейн показала на голову с остриженными волосами. – Могу поклясться – сегодня утром я видела точно такую же прическу у официантки в кофейне.

– Во-первых, по внешнему виду почти невозможно определить, какого пола тцантца, женского или мужского, – возразил Робинсон. – Во-вторых, при усыхании черты лица искажаются, и представители обоих полов выглядят одинаково. Они необычные, но прическа сама по себе ни о чем нам не говорит.

– Тогда каким образом можно отличить традиционную усохшую голову от современной подделки? – поинтересовалась Маура.

– Вы позволите мне взять их в руки? – осведомился Робинсон.

– Да, конечно.

Подойдя к шкафу, он вынул перчатки и принялся тщательно натягивать их с видом хирурга, готовящегося к сложной операции. «Этот человек был бы дотошным в любой профессии», – решила Маура. Среди ее однокурсников в медицинском колледже никто не был так требователен к себе, как Николас Робинсон.

– Сначала, – сказал он, – я должен объяснить, что такое на самом деле тцантцы индейцев-хиваро. Они были предметом моего особого интереса, так что я немного знаю о них. Индейцы-хиваро жили вдоль границы между Эквадором и Перу и регулярно совершали набеги на племена своих сородичей. Воины всегда забирали чьи-нибудь головы – мужские, женские, детские.

– А зачем забирать головы? – поинтересовалась Джейн.

– Это связано с их представлениями о духе. Они верили, что человек может обладать тремя разными видами духа. Есть обычный дух – он дается каждому при рождении. А есть дух древнего видения – его можно заслужить, если совершить определенные обряды. Этот дух дает особую силу. Если того, кто заслужил дух древнего видения, убивают, он переходит на следующую ступень трансформации – становится духом мщения, который будет преследовать своего убийцу. Единственный способ не позволить этому духу жестоко покарать обидчика – отрезать голову и сделать из нее тцантцу.

– А как сделать тцантцу? – Джейн бросила взгляд на три головки, по размеру больше подходящие для кукол. – Я вообще не понимаю, как можно до такой степени уменьшить человеческую голову.

– Описания этого процесса достаточно противоречивы, но в трех основных этапах большинство свидетельств совпадают. Из-за тропического климата процесс начинался сразу же после наступления смерти. Сначала вы берете отрубленную голову и одним прямым разрезом рассекаете кожу от темени до основания шеи. Затем отделяете кожу от кости. В действительности, она отходит довольно-таки легко.

Маура посмотрела на Джейн:

– Ты видела – на вскрытиях я делаю почти то же самое. Но мой надрез пересекает темя, он идет от уха до уха.

– Ага, в этот момент меня всегда начинает тошнить, – отозвалась Джейн. – Особенно когда ты откидываешь кожу на лицо.

– О да. Лицо, – продолжил Робинсон. – Хиваро отделяли и его. Это требует умения, но лицо отделялось вместе со всей кожей головы, одним куском. В результате у нас получается маска из человеческой кожи. Хиваро выворачивали ее наизнанку и начисто выскабливали. Затем зашивали веки. – Взяв в руки одну из голов, он указал на едва заметные стежки. – Смотрите, как тонко это сделано, ресницы по-прежнему выглядят абсолютно естественно. Это по настоящему искусная работа.

«Неужели в его голосе и вправду промелькнула нотка восхищения?» – удивилась доктор Айлз. Похоже, Робинсон не заметил, как Джейн и Маура обменялись тревожными взглядами; он полностью сосредоточился на ремесле, превратившем человеческую кожу в археологическую диловинку.

Робинсон перевернул тцантцу, чтобы взглянуть на шею, которая превратилась в небольшую кожаную трубку. По задней части шеи и головы шли грубые стежки, которые почти полностью скрывались под густыми волосами.

– После снятия с черепа, – продолжал куратор, – кожу помещали в разбавленный водой сок растений и томили на медленном огне, чтобы растопить оставшийся жир. Когда последние частички плоти и жира удаляли, кожа выворачивалась на правильную сторону, и, как видите, затылочный надрез зашивался. Губы скреплялись при помощи трех заостренных деревянных стержней. Ноздри и уши затыкались хлопком. Таким образом получался мягкий кожаный карман, в который хиваро засовывали горячие камни и песок – чтобы высушить его. Затем они натирали этот «карман» углем и коптили, пока он не становился похожим на выделанную кожу животных. Весь процесс занимал не так много времени. Возможно, не более недели.

– И что они делали с ним потом? – спросила Джейн.

– С обработанными трофеями хиваро возвращались домой, в свое племя, и устраивали праздник с ритуальными танцами. Тцантцы носили вместо ожерелья – воины подвешивали их на тесемку и надевали на шею. Спустя год отмечался еще один праздник – духи убитых передавали воинам свою силу. И наконец через месяц племя снова затевало торжество. Именно в этот день тцантцы доделывались. Из губ вынимали деревянные стержни, в отверстия продевали хлопковую нить, а затем сплетали ее. Потом вешали на уши украшения. С этого момента

головы использовались для похвалы. Если воин хотел продемонстрировать свою мужественность, он надевал на шею тцантцы.

Джейн потрясенно усмехнулась:

– Почти как нынешние парни со своими золотыми цепочками. И зачем всем этим мачо побрякушки?!

Маура изучила все тцантцы, лежавшие на столе. По размеру они были похожи. Губы каждой были соединены сплетенными нитями, а веки – аккуратно зашиты.

– Боюсь, я не могу уловить разницу между этими тремя головами. По мне, они сделаны одинаково искусно.

– Верно, – согласился Робинсон. – Но все-таки одно существенное отличие есть. И я имею в виду не стрижку. – Он повернулся к Джозефине, которая молча стояла у изножья стола. – Ты понимаешь, о чем я?

Доктор Пульчилло заколебалась – ей очень не хотелось приближаться. В конце концов она надела перчатки и подошла поближе. По очереди приподнимая тцантцы, она принялась разглядывать их под ярким светом. Наконец Джозефина выбрала голову с длинными волосами; в ушах у этого экземпляра болтались украшения из крыльев зеленого жука.

– Ее сделали не хиваро, – объявила она.

Робинсон кивнул:

– Согласен.

– Из-за сережек? – спросила Маура.

– Нет. Такие серьги традиционны для этих племен, – возразил Робинсон.

– Тогда почему же вы выбрали именно эту, доктор Пульчилло? – удивилась Маура. – Она ведь почти не отличается от двух других.

Доктор Пульчилло просто смотрела вниз, на выбранную голову; черные кудри Джозефины рассыпались по плечам – пряди были такими же блестящими и темными, как волосы тцантцы, и до ужаса похожими на них – казалось, приложи одни локоны к другим, и отличить будет невозможно. На мгновение Мауру посетило тревожное чувство, будто она смотрит на одну и ту же голову – до процедуры и после. Джозефина живая – Джозефина мертвая. Может, именно поэтому молодой женщине так не хотелось дотрагиваться до артефакта? Неужели в этих усохших чертах она узнает себя?

– Из-за губ, – проговорила Джозефина.

Маура покачала головой:

– Я не вижу разницы. У всех трех тцантц губы зашиты хлопковой нитью.

– Это связано с ритуалом хиваро. С ритуалом, о котором рассказывал Николас.

– С какой его частью?

– С той, когда деревянные колышки вынимались из губ, а в оставшиеся отверстия просовывали хлопковую веревку.

– У всех трех есть хлопковая нитка.

– Да, но она не должна оказаться там до третьего праздника. Раньше чем через год с лишним после убийства.

– Она абсолютно права, – вмешался Николас. Робинсон явно был доволен, что его юная коллега уловила ту деталь, которую он имел в виду. – Колышки в губах, доктор Айлз! Если они целый год находятся на одном месте, после них остаются широкие отверстия.

Маура внимательно оглядела лежавшие на столе тцантцы. У двух из них на губах виднелись большие дыры. А у третьей – нет.

– Эту колышками не прокалывали, – продолжал Робинсон. – Ее губы сшили сразу после удаления головы. Эту сделали не хиваро. Тот, кто ее обрабатывал, решил сократить ритуал. Возможно, он не знал, как это должно происходить. А может, просто хотел продать свою поделку туристам или выменять на что-нибудь. Но этот образец – не традиционная тцантца.

– Тогда откуда она взялась? – спросила Маура.

Робинсон помедлил с ответом.

– Не могу сказать. Знаю только одно: эта голова не имеет отношения к хиваро.

Маура взяла выбранную тцантцу в свои обтянутые перчатками руки. Ей уже приходилось держать на ладонях отрубленные человеческие головы, но эта, лишенная черепа, казалась удивительно легкой – всего-навсего сухая кожа и волосы.

– Мы даже не сможем установить пол этого образца, – снова заговорил Робинсон. – Впрочем, несмотря на искажения, его черты представляются мне женскими. Для мужских они слишком нежные.

– Согласна, – отозвалась Маура.

– А как насчет цвета кожи? – поинтересовалась Джейн. – Мы сможем определить расу?

– Нет, – ответил Робинсон. – Во время усыхания кожа темнеет. В данном случае речь вполне может идти о европеоиде. А без черепа, без зубов, с которых можно было бы сделать рентгеновский снимок, нельзя сказать, сколько этому экземпляру лет.

Маура перевернула тцантцу и бросила взгляд на шейное отверстие. Удивительно было видеть пустое пространство там, где обычно располагаются хрящи и мышцы, трахея и пищевод. Шея наполовину спала, так что темная внутренняя полость была практически не видна. Внезапно доктор Айлз подумала о недавно проведенном вскрытии Госпожи Икс. Перед ней снова всплыла та картинка: усохшая ротовая полость, металлический блеск в горле мумии... И Маура вспомнила, как она была потрясена, увидев сувенирный картуш. Может, на этот раз убийца тоже поместил какую-нибудь улику в останки своей жертвы?

– Можно мне еще немного света? – попросила она.

Джозефина повернула к ней увеличительную лампу, и Маура направила луч в шейное отверстие. Сквозь узкую щель она с трудом различила какой-то светлый клубок.

– Похоже на бумагу, – заметила она.

– В этом нет ничего необычного, – отозвался Робинсон. – Иногда внутрь засовывали мятые газеты, чтобы сохранить форму при перевозке. Если это какая-нибудь южноамериканская пресса, то, по крайней мере, мы сможем узнать что-нибудь о происхождении этого экземпляра.

– У вас есть щипцы?

Отыскав инструмент в одном из выдвижных ящиков, Джозефина передала щипцы доктору Айлз. Маура просунула их в отверстие и ухватила то, что находилось внутри. Затем осторожно потянула и достала мятую газету. Разглаживая страницу, она заметила, что тексты отпечатаны не на испанском, не на португальском, а на английском языке.

– «Индио дейли ньюз»? – удивленно усмехнулась Джейн. – Это калифорнийская газета.

– И взгляни-ка на дату. – Маура указала на заголовок газеты. – Всего двадцатилетней давности.

– Но, возможно, голову все-таки сделали раньше, – вмешался Робинсон. – Вероятно, газету засунули внутрь позднее, для транспортировки.

– Однако мы кое-что выяснили. – Маура подняла взгляд. – Эта голова изначально не входила в собрание музея. Возможно, перед нами останки еще одной жертвы, появившиеся здесь тогда же, когда... – Она запнулась, внезапно глянув на Джозефину.

Доктор Пульчилло побелела как полотно. Маура уже не раз видела, как лица приобретают такой нездоровый оттенок (подобное случалось с молодыми полицейскими, впервые приходившими на вскрытие), а потому знала, о чем это говорит: женщину тошнит, и сейчас она либо помчится к мойке, либо, пошатываясь, побредет к ближайшему стулу. Но Джозефина поступила иначе: она просто повернулась и вышла из лаборатории.

– Я проверю, как она. – Доктор Робинсон стянул перчатки. – Джозефина неважно выглядит.

– Я присмотрю за ней, – вызвался Фрост и вышел из лаборатории вслед за доктором Пульчилло.

Дверь уже захлопнулась, а Робинсон все смотрел вслед полицейскому, видимо размышляя, стоит ли пойти за ним.

– У вас есть документы двадцатилетней давности? – спросила Маура. – Доктор Робинсон?

Внезапно поняв, что доктор Айлз зовет его, куратор обернулся:

– Что, простите?

– Двадцатилетней давности. Дата газеты. У вас есть документы того времени?

– А! Да, мы нашли инвентарные книги тысяча девятьсот семидесятых и восьмидесятых годов. Но я не помню, чтобы там упоминались тцантцы. Если даже голова поступила к нам в то время, в записях она не значится. – Куратор посмотрел на Саймона. – Ты не помнишь?

Саймон устало покачал головой. Он казался выжатым как лимон, словно за последние полчаса состарился лет на десять.

– Я не знаю, откуда взялась эта голова, – проговорил он. – Понятия не имею, кто и зачем поместил ее за ту стену.

Маура пристально посмотрела на усохшую голову с навечно зашитыми веками и губами и тихо сказала:

– Похоже, кто-то формировал здесь свою собственную коллекцию.

9

Джозефине страшно хотелось побыть одной, но она так и не смогла придумать благовидного предлога, чтобы отделаться от детектива Фроста. Вслед за Джозефиной он поднялся по лестнице к ее кабинету и теперь, стоя в дверях, с тревогой следил за доктором Пульчилло. У него был спокойный взгляд и доброе лицо, а лохматые светлые волосы напомнили Джозефине о взъерошенных мальчишках-близнецах, которых она частенько видела катающимися с горки на соседней детской площадке. Тем не менее он был полицейским, а полицейские пугали Джозефину. Не стоило уходить из лаборатории так внезапно. Не стоило привлекать к себе внимание. Но взгляд на газету был словно удар кулаком – от него перехватило дыхание и почва ушла из-под ног.

«Индио, штат Калифорния. Двадцать шесть лет назад, – стучало у нее в голове. – Город, где я появилась на свет. Год, когда я родилась».

И снова всплыла эта зловещая связь с прошлым – Джозефина не понимала, как такое возможно. Ей нужно было время, чтобы все обдумать, разобраться, почему в цокольном этаже этого безвестного музея, куда ее недавно взяли на работу, скрывается столько старых тайных ниточек, тянущихся к ее собственной судьбе. «Будто бы именно моя жизнь, мое прошлое хранится в этом собрании», – думала она. Мысленно Джозефина изо всех сил пыталась найти всему объяснение, но одновременно ей приходилось с улыбкой отвечать на вопросы детектива Фроста, который и не собирался покидать порог ее кабинета.

– Вам уже лучше? – осведомился он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.